

9 $\frac{118}{891}$

БИБЛИОТЕКА КРАСНОАРМЕЙЦА

А. БУЙСКИЙ

КРАСНАЯ АРМИЯ
НА ВНУТРЕННЕМ
ФРОНТЕ

20 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО 1931

ВЪВЕДЕНІЕ
ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

А. ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ
ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

1870

ВЪВЕДЕНІЕ
ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

БИБЛИОТЕКА КРАСНОАРМЕЙЦА

9/118
891

А. БУЙСКИЙ

9/118
891

КРАСНАЯ АРМИЯ НА ВНУТРЕННЕМ ФРОНТЕ

БОРЬБА С БЕЛОГВАРДЕЙСКИМИ
И КУЛАЦКИМИ ВОССТАНИЯМИ

4-е ИЗДАНИЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

31-102320

~~31-10232~~

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

1931

А. Буйский.—«Красная армия на внутреннем фронте». Внутренний фронт, это — белогвардейские, бандитские и кулацкие выступления в тылу у Красной армии во время ее борьбы на многочисленных фронтах гражданской войны. О причинах их возникновения и о борьбе с ними рассказывает эта книжка. Чтобы лучше понять зависимость внутреннего фронта от внешнего хорошо, кроме этой книжки, прочитать еще следующие брошюры из серии «Библиотека красноармейца»: Кассони, «Борьба с Деникиным», А. Буйский «Борьба за Крым и разгром Врангеля», Столяров «Борьба Красной армии в Дагестане», Линовский Е. «Под Петрозаводском».

2010506382

Книга сдана в набор 28/II 1931

- » подписана к печати 6/V—1931 г.
- » вышла из печати в мае 1931 г.

2,8 авторских листов

Редактор Д. Митяев
Технический редактор В. Наунов
Корректор З. Окунь

Главлит № В—4033 Гиз В—50—111 Зак. № 2767 3 п. л. Тир. 35 000

3-я Тип. Огиза «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16.

КНИГА ИМЕЕТ:

877

Листов
печатных

Выпуск

В перепл.
един. соедин.
№№ вып.

Таблиц

Карт

Иллюстр.

Служебн.

№ №

№ №

списка и
порядковый

1952 г

6

182
193

16/1

150000

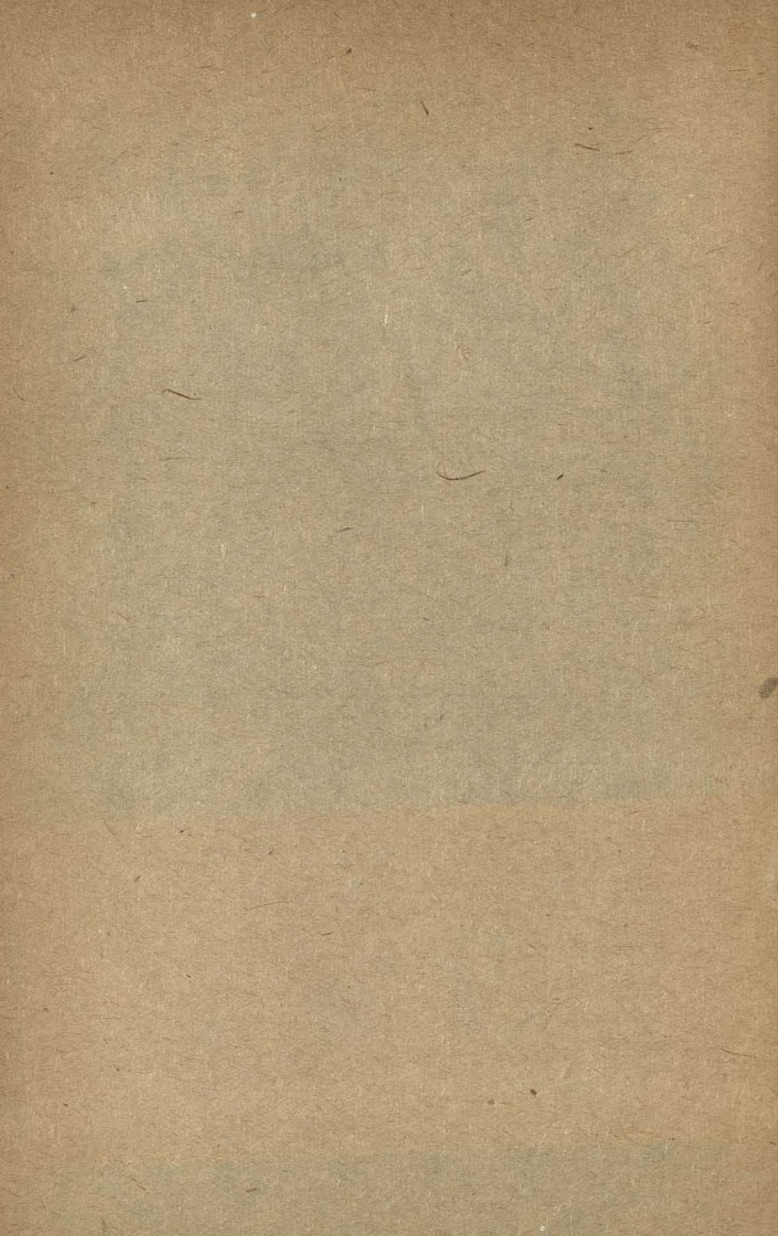
150000

12/17

Содержание

Стр.

<i>Внутренний фронт</i>	5
<i>Белогвардейские восстания</i>	16
Ярославское восстание	---
Восстание на Красной Горке	24
Кронштадтский мятеж	27
<i>Кулацкие восстания и бандитизм</i>	44
Кулаки, белогвардейцы, бандиты	—
Махновщина	58
Григорьевщина	75
Басмачество	81
<i>Внутренний фронт теперь</i>	90

Внутренний фронт

Пролетариат захватил власть в свои руки для того, чтобы построить новый мир, иначе говоря, провести переустройство общества на социалистических началах. За это он боролся долгие годы, за это жертвовал лучшими своими представителями, погибавшими на баррикадах и в царских застенках, за это же он поднял оружие и в Октябре.

Героическими усилиями он добился победы. Остатки государственной машины старого строя были быстро сметены. Народившаяся было после февраля буржуазно-демократическая республика была раздавлена в Октябрьской схватке. Вся власть перешла советам и пущен был в ход новый государственный аппарат, наиболее соответствующий диктатуре пролетариата. Однако приступить к строительству социализма оказалось невозможно без новой длительной и тяжелой борьбы. Многочисленные и хорошо вооруженные белые армии надвигались на Советскую страну со всех сторон.

Враг был силен, изворотлив и опытен. Кроме того империалисты главнейших буржуазных стран помогали ему всем, чем могли.

Первое в мире социалистическое государство оказалось в огненном кольце

Чтобы прорвать это кольцо, потребовались огромные усилия всей страны и огромное напряжение всех сил Красной армии на многочисленных фронтах гражданской войны. Но враги пролетарской власти были не только на фронте. Не мало их осталось и в тылу. Остатки разбитых классов помещиков и буржуазии, офицеры царской армии, не успевшие перемахнуть к белым, осколки соглашательских антисоветских партий (эсеры и меньшевики), попы, кулаки и все те промежуточные общественные группы, которые были или чувствовали себя обиженными революцией, все они оказались в числе врагов Советской власти. Ошалевшие в первое время от ужаса и неожиданности удара, они скоро оправились и начали вредить Советской власти как только могли. Они не теряли времени даром и не брезговали никакими средствами. Огромный взрыв артиллерийских складов в Москве, в Киеве, в Георгиевске, пожары, восстания на Красной Горке, в Ярославле, Кронштадте и других городах и местностях, убийство тт. Урицкого, Володарского и многих низовых работников, покушение на т. Ленина—все это дело их рук, все это следы преступной деятельности врагов пролетариата и трудового крестьянства, все это попытки подорвать Советскую власть изнутри и этим облегчить дело белых генералов на фронте.

Заговоры и восстания этих групп начались с первых же дней существования Советской власти. На другой же день после того, как пало Временное правительство в Питере, восстали юнкера, то-есть учащиеся военных училищ, подготовлявших офицеров для царской армии.

После короткой схватки они побросали оружие и почти целиком были захвачены в плен. Безоружные они беспомощно топтались в кольце суровых красногвардейцев, еще не остывших после боя, и с трепетом ожидали своей участи. Но победители не хотели мстить. Арестованные юнкера дали слово, что они не будут больше выступать против Советской власти, и их мирно распустили по домам.

Великодушие победителей пропало даром. Те же юнкера, не смотря на данное слово, бросились на Дон к атаману Каледину или начали вступать в контрреволюционные союзы буржуазии и офицерства внутри Советской страны. И с тех пор контрреволюционные выступления в стране начали происходить чуть ли не ежедневно. В одном только 1918 году было 245 восстаний и бунтов. Немало их было и в последующие годы гражданской войны. Они и составили то, что можно назвать внутренним фронтом гражданской войны.

Жизнь и деятельность Советского государства протекали в то время, точно на вулкане.

Спокойно работать было нельзя. Враг был повсюду. В одной только Москве к началу гражданской войны проживало до 40 тысяч демобилизованных офицеров. В большинстве это были заклятые враги Советской власти, не желавшие примириться с потерей своих прав и своего положения, готовые на любое выступление для восстановления старого порядка. Полны офицерами были и другие крупные города. В случае их выступления и в особенности, если бы это выступление оказалось удачным, они были бы, конечно, поддержаны всеми враждебными новой власти классами населения.

Подготовка к общему выступлению всех контрреволюционных сил в тылу велась почти повсеместно. Ее вели всевозможные контрреволюционные союзы, которые хотя и носили различные названия, но все ставили себе одну общую цель: свержение советской власти.

Важнейшим из них являлся «Национальный центр» — крупнейшая организация буржуазии и офицерства. Основателем и главным руководителем его являлся Д. Н. Шипов, бывший член Государственной думы, а членами — виднейшие представители кадетской партии. Здесь же получили свою закалку для дальнейшей контрреволюционной работы и такие матерые представители российского капитализма, как Коновалов, Третьяков и Рябушинский, — заграничные хозяева Рамзина и

прочих, хорошо известных нашему читателю руководителей «Промпартии», над которой пролетариат в прошлом году произнес свой приговор.

Союз имел свою хорошо налаженную организацию, которой руководил генерал Махов. Он подготовлял восстание к лету 1919 года. Деньги на подготовку выступления руководители союза получали от французской и английской буржуазии. Свою работу они вели в полном согласии с Деникиным, с которым сносились непрерывно. Организация расцвела особенно пышно к середине лета 1919 года и была ликвидирована ГПУ (тогда ВЧК) за неделю до назначенного руководителями Национального центра общего выступления.

Следующей по своему значению контрреволюционной организацией являлся «Союз защиты родины и свободы», образовавшийся из буржуазии и офицерства. Он возник в начале 1918 года и ставил себе задачей способствовать захвату всех наших западных губерний и самой Москвы немцами, которые тогда продолжали теснить наши части, несмотря на Брестский мир. Расчет был на то, что после того как немцы уничтожат Советскую власть, с ними самими справятся «настоящие» русские силы. Эти «русские силы» должны были подойти с востока, из Сибири, под командой адмирала Колчака. Вместе с ними должны были действовать и союзнические войска.

Вся организация жила на деньги французских империалистов и окружена была строгой тайной. Ни один человек, входивший в нее, не мог знать больше трех членов и сносился

Б. Савинков, виднейший эсер, организатор ярославского и других мятежей. До октябрьского переворота — управляющий военным министерством. Вместе с генералом Корниловым требовал введения смертной казни на фронте. Во время гражд. войны бежал в Польшу, откуда после войны пытался вернуться в Сов. Россию для контрреволюционной работы. На границе был схвачен и предан суду. Приговоренный к 10 годам заключения, покончил жизнь самоубийством.

только с одним из главварей. Всем членам организации ставилась задача проникать в качестве сотрудников в советские учреждения, главным образом в милицию и Красную армию. Это отчасти для того, чтобы постоянно находиться в курсе всех военных мероприятий Советской власти, отчасти же для того, чтобы вести разлагающую работу в Красной армии, главным образом среди ее командного состава. Главным руководителем организации был Борис Савинков, один из виднейших эсеров, организатор убийства гг. Урицкого и Володарского и покушения на т. Ленина.

Правой рукой Савинкова был полковник Перхуров.

Надежды белогвардейцев не сбылись. Со-

ветская власть раскрыла их карты и не допустила движения немцев на восток. Но прежде чем контрреволюционная работа Савинкова и Перхурова была раскрыта, они сумели организовать Ярославское восстание, ряд железнодорожных взрывов, ряд покушений на партийных и советских работников.

За этими двумя важнейшими контрреволюционными организациями шли организации меньшего масштаба, как например Великая, неделимая Россия—монархически-поповский союз, находившийся в постоянной связи с патриархом Тихоном и прочими виднейшими митрополитами и архиереями, Всероссийский монархический союз, Всероссийский военный союз, Орден романовцев и другие.

Усердную работу по подготовке контрреволюционного восстания внутри страны вели также и иностранные представители при царском дворе, пока еще оставшиеся в Советской России. Начальник английской миссии в Москве, Локкарт, составил например, целый план ареста членов Совета народных комиссаров. Для этого ему удалось даже установить связи с командиром одного из латышских полков, расквартированных в самом Кремле.

Одновременно с арестом Совнаркома предполагалось захватить Государственный банк, телеграф и центральную телефонную стан-

цию и вслед затем ввести военную диктатуру.

Захват Совета народных комиссаров собиравались произвести во время заседания. Все арестованные немедленно же должны были под конвоем отправиться в Архангельск, куда должен был высадиться английский десант. Боялись в Архангельск отправлять только г. Ленина:

«Ленин обладает удивительной способностью подходить к простому человеку,—говорил помощник Локкарта, лейтенант С. Рейли,—можно быть уверенным, что за время поездки в Архангельск он сумеет склонить на свою сторону конвойных, и те освободят его по пути.

«Поэтому,—заявил Рейли,—самое верное будет расстрелять Ленина немедленно же после ареста».

Одновременно агенты Локкарта вели усердную работу по увеличению продовольственной и транспортной разрухи в стране, производили взрывы мостов и железнодорожных путей, выкрадывали планы крепостей, вели разведку для белых генералов и для иностранных захватчиков и пытались связать работу всех контрреволюционных организаций в стране. Все это делалось под защитой английской военной миссии в Москве, то-есть под флагом дипломатической неприкосновенности.

Благодаря неподкупности самих латышских

частей и бдительности Чрезвычайной комиссии, заговор Локкарта был раскрыт, и руководители его обезврежены.

От буржуазии, офицерства и иностранных империалистов не отставали точно так же и эсеры с меньшевиками.

Левыми эсерами, например, было организовано восстание в Москве в 1918 году. Ярославским восстанием, как уже читателю известно, руководил видный эсер Савинков. Эсерами же организовано было Тамбовское восстание, восстание в Кронштадте, в Великих Луках, в Казани, в Чембаре, Мстиславле и других городах. Ими же был организован ряд убийств ответственных советских и партийных работников и в том числе тт. Урицкого и Володарского. Эсерка Каплан тяжело ранила В.И. Ленина. Видный меньшевик Розанов (Энзис) входил в Национальный центр, украинские меньшевики и эсеры возглавляли Петлюровщину и большинство банд, мешавших Красной армии вести борьбу с белыми генералами. Восстание Григорьева в 1919 году было поднято под флагом эсеровской партии. Грузинскими восстаниями руководили меньшевики.

Вот краткий и конечно неполный список дел тех партий, которые когда-то считались революционными, а затем укрылись под крылышко белых генералов и открыто перешли на службу русских и иностранных капиталистов и помещиков.

Контрреволюционная работа шла полным ходом. Если она все-таки во всех случаях заканчивалась неудачно и не привела к общему взрыву Советской республики изнутри, то никак не потому, что у главарей контрреволюции нехватало средств и решимости. Причина неудачи в том, что классовым врагам Советской власти оказалось не под силу подорвать боевой союз пролетариата и беднейшего крестьянства, организованный коммунистической партией. Не удалось подорвать уверенности трудящихся в том, что советская власть — самая лучшая и самая близкая пролетариату и трудовому крестьянству власть.

Занятая на внешнем фронте, Красная армия не всегда могла уделять для внутреннего фронта достаточно сил. Неустойка или большее поражение на внешнем фронте открывали дорогу в сердце пролетарского государства белым генералам и стоявшим за их спиной иностранным захватчикам. Красная армия могла посылать на внутренний фронт только то, что удавалось с большим трудом и риском отрывать от борьбы с белыми генералами и с интервентами. Поэтому на ряду с частями Красной армии, в борьбе на внутреннем фронте принимали участие все партийные и советские силы, все, кому дорога была Советская власть, все, кто мог держать в руках винтовку. Вчера народный комиссар, председатель или член исполкома, пролетар-

ский писатель, механик, рабочий от станка и любой партиец, независимо от возраста,— сегодня по сигналу партии опоясывался патронами, вооружался винтовкой или брался за пулемет.

Восстания происходили часто. Враги были повсюду. Спокойно обучаться военному делу было некогда. Учиться вести бой с опытным в большинстве случаев противником приходилось на месте. Боевая сноровка приобреталась в самом бою. Понятно, что было немало ошибок и промахов в борьбе. Но вместе с тем немало было и подвигов мужества, стойкости и героизма. Умение и опыт врагов уравнивались мужеством, готовностью бороться до конца и высокой сознательностью защитников пролетарской власти. Оттого и борьба на внутреннем фронте велась иногда с большим упорством и большим напряжением всех сил, нежели на фронте внешнем. Доказательством этого служат многочисленные жертвы и то, что только за первые годы существования советской власти было подавлено свыше 400 контрреволюционных восстаний.

Из всех этих восстаний наиболее кровавыми и наиболее опасными для Советской страны были: восстание в Ярославле, восстание на Красной Горке и Кронштадтский мятеж. Все они имеют значение не только потому, что белогвардейщина обнаружила в них свое настоящее зверское лицо, но и потому,

что во всем ходе их чувствовалась направляющая и руководящая рука западного капитала, главным образом французского и английского, открыто и упорно боровшегося против Советской власти.

Белогвардейские восстания.

Ярославское восстание.

Ярославское восстание вспыхнуло летом 1918 года в очень трудное для Советской власти время. Оно явилось откликом и развитием чехо-словацкого мятежа.

Чехо-словацкий корпус был сформирован еще царским правительством для борьбы с Австрией и Германией из австрийских военнопленных: чехов, словаков, галичан, сербов и других славян, служивших в австрийской армии. Временное правительство тоже приложило немало забот к его формированию. На чехо-словаков оно рассчитывало опереться в случае восстания пролетариата. Однако после Октябрьской революции чехо-словаки заявили, что не хотят вмешиваться во внутренние дела России, и пожелали ютправиться во Францию. Советская власть согласилась, и началась переброска корпуса во Владивосток для посадки на французские суда.

Но 50 тысяч хорошо вооруженных и дисциплинированных войск с артиллерией, броневиками, с авиацией сразу же обратили на

себя внимание агентов-контрреволюции. Те начали действовать через чехо-словацкое офицерство. Солдатам чехо-словакам стали внушать, что Советская власть отправляет их не во Францию, а разоружит и передаст немцам.

Не зная русского языка, солдаты не могли понять окружающей обстановки, не могли разобраться в ней и поддались офицерской агитации.

Мятеж начался в Челябинске. Чехо-словацкие эшелоны, руководимые контрреволюционным офицерством, разогнали здесь Совет, разгромили и разграбили город. Власть перешла к офицерству. Офицерство вернуло уже ушедшие вперед эшелоны и направило большую часть корпуса в Россию. На пути к чехо-словакам стали присоединяться всевозможные белогвардейские банды и казачьи отряды. За спиной у них, в Сибири, начала формироваться белая армия Колчака.

В начале лета 1918 года полки чехо-словаков двигались на Казань. На юге в это время оформилась и начала наступление армия генерала Краснова, а потом—Деникина. На севере высадились англо-американские войска. И вот в такое время, когда все контрреволюционные фронты тянулись один к другому, стремясь соединиться и сжать Советскую республику в огненное кольцо, вспыхнул Ярославский мятеж.

Мятеж был подготовлен «Сюзом защиты

родины и свободы». Сам начальник штаба его и правая рука Савинкова, полковник Перхуров, выступил как главнокомандующий «Северной добровольческой армией Ярославского района», то-есть руководителем мятежа.

Восстание не было обособленным от всех прочих контрреволюционных выступлений. Оно имело своей задачей образовать новый фронт в непосредственной близости к Москве и при помощи его объединить два, пока еще разрозненных, фронта: архангельский, где высадились англичане с американцами, и самарский, где действовали чехо-словаки.

Если бы восстание удалось и распространилось на соседние города, то огненное кольцо, окружавшее Советскую Россию, придвинулось бы сразу к центру Советского государства, к его красной столице. Это отлично понимали вожди восстания, а потому и направили в Ярославль значительную часть офицерства из Москвы и других городов. Офицерам было объявлено, что вместе с Ярославлем поднимут восстание и другие города и что как только восстание начнется, из Архангельска в Ярославль будет переброшена англо-французская бригада, которая будто бы находится уже в поездах.

Эта ложь, рассчитанная специально на то, чтобы привлечь на сторону мятежников всех колеблющихся, продолжалась и в дальнейшем, даже тогда, когда мятежники сами находились уже в огненном кольце советских

войск. «То, что произошло в Ярославле, — писал в своем воззвании полковник Перхуров, — произошло в тот же день и час по всему Поволжью. Мы действуем вместе с сибирским и самарским правительствами и подчиняемся общему главнокомандующему генералу Алексееву. Северной армией командует старый революционер, Борис Савинков. Москва окружена теперь тесным кольцом. Еще немного усилий, и предатели, засевшие в Кремле, будут сметены с лица русской земли. Спасем нашу страну от позора, рабства и голода». Читатель знает, что Советскую страну «от позора, рабства и голода» спасли отнюдь не белогвардейцы и отнюдь не стоявшие за их спинами иностранные захватчики, а как раз те, против кого Савинковы, Перхуровы и Локкарты направляли свое оружие.

Деятельную поддержку белогвардейцам в Ярославле оказали местные меньшевики во главе с Савиновым, механиком по профессии. Они сбивали с толку ярославских рабочих и в конце концов поручились перед руководителями восстания, что все многочисленное рабочее население Ярославля поддержит восстание.

Однако предатели просчитались. На помощь восставшему офицерству поднялись только лавочники, чиновники, студенты, гимназисты, да еще монахи и попы. В первый день боя с прибывшими из Москвы советскими войсками попы и монахи вышли было

на площадь крестным ходом для молебствия о даровании победы белой гвардии. Однако скоро они прекратили свои молитвы, сложили иконы и сами схватились за оружие. Монахи местного монастыря вооружились поголовно и впоследствии защищались настолько упорно, что по монастырю пришлось открыть сильный артиллерийский огонь. Так под колокольный звон и под поповские гимны и началось восстание.

Началось оно с того, что предательским образом были захвачены красноармейцы караульного батальона, комсостав которого, бывшие офицеры, сейчас же перешел на сторону белогвардейцев. После этого мятежники несколькими большими группами направились в центр города, захватили милицию, банк, телеграф, почту, окружной военный комиссариат и важнейшие советские учреждения. После этого они приступили к арестам и расстрелам коммунистов и ответственных советских работников.

В первую очередь был расстрелян т. Нахимсон, окружной военный комиссар, старый большевик, человек исключительной преданности партии и рабочему классу, за ним — т. Закгейм, председатель уездного исполкома. Тов. Закгейма закололи штыками на его квартире и бросили у ворот. В течении нескольких дней после этого труп валялся на улице и служил мишенью для насмешек и издевательств со стороны хулиганов и черносотен-

цев, маклаков с толкучего рынка и погромщиков.

Вместе с расстрелами и арестами началась горячая работа по укреплению города, по мобилизации в ряды белогвардейщины сочувствующих.

Сочувствующих оказалось очень немного. Ни рабочие, ни окрестное крестьянство, на которое очень рассчитывали белогвардейцы, не оказало им никакой помощи. Рабочие, за которых ручались Перхурову меньшевики, примкнули не к белым, а к подходившим из Москвы, из Костромы и Иваново-Вознесенска частям Красной армии. Никакой англо-французской бригады тоже не показывалось на ярославском фронте. Да и не могла она ни откуда прибыть, потому что у самих союзников на севере руки были связаны действиями Красной армии и разложением в рядах собственных солдат. Мятежникам пришлось рассчитывать только на свои собственные силы.

Борьба началась жестокая. В первое время советских войск было недостаточно, что бы покончить с мятежом одним сильным ударом. Белогвардейцы за это время успели организовать в хорошо дисциплинированную войсковую массу. Во главе отдельных отрядов встали опытные военные руководители, которые действовали по заранее разработанному плану. Весь город был разделен на участки, и каждый участок отдельно приспособлен к обороне.

В самом же начале восстания противник захватил арсенал; здесь ему в руки попало большое количество пулеметов и боеприпасов. Кроме того в его распоряжении находилось несколько орудий и два броневика. Броневики и помогли белогвардейцам так быстро захватить город.

В противоположность белым, у нас было мало не только опытных руководителей, но нельзя было похвастаться даже и превосходством сил над противником. Сильно хромала техническая часть. Не вдруг наладилась согласованность в действиях и спайка между отдельными частями, прибывавшими в Ярославль. Из-за всего этого возможность быстрого подавления восстания была упущена. Пришлось перейти к правильной осаде города.

Через пять-шесть дней после начала восстания начали подходить к городу отряды с Северного фронта под командой Архангельского окружного военного комиссара т. Геккера. Человек опытный, с большой энергией и настойчивостью, т. Геккер быстро выработал план борьбы. По его указанию красные войска начали сжимать мятежников в кольцо, постепенно захватив у них станцию Филино, слободу Уроч, потом Тверцу. Сторожевые пароходы, расставленные по Волге и державшие связь с пехотными частями, помогли сомкнуть советские силы вокруг города.

Когда кольцо красных войск стало посте-

пенно сжиматься, мятежники оказались отрезанными от всего мира. Вслед за этим начались их отчаянные попытки прорваться. Эти попытки закончились полным разгромом белогвардейских банд и ликвидацией всего мятежа.

Ярославское восстание было первым и наиболее крупным восстанием белогвардейщины, потребовавшим участия больших сил Красной армии. Оно явилось как бы пробным камнем и для самой Красной армии, которая в то время только еще зарождалась.

Враг был опытен, хорошо вооружен и умело пользовался всеми средствами борьбы и всякой ошибкой, оплошностью наступающих. После одного из отчаянных штурмов вокзала, который белогвардейцы в первые дни обороняли особенно упорно, красноармейцы колебались. Повторить наступление нехватало силы. Некоторые командиры, не надеясь на удачу нового штурма, советовали перейти к длительной осаде, к борьбе на измор.

Но каждый день отсрочки был выигрышем для восставших. Слухи о восстании расходились по всей стране, будоражили и ободряли контрреволюционные силы. Нужно было действовать решительно и быстро. И вот рота рабочих, сформированная в большинстве из коммунистов, решилась на верную смерть.

Без всяких предосторожностей, без всяких боевых правил рабочие бросились на врага прямо, напролом, всей толпой. Огонь всех

пулеметов с вокзала сейчас же был направлен на эту толпу. Но толпа, редая и уменьшаясь на каждом шагу, продолжала двигаться, не останавливаясь. Все внимание белых, смущенных и не понимавших, в чем дело, было обращено на это странное, непонятное для них зрелище людей, двигавшихся под явный расстрел. Смотрели на это и красноармейцы из-за своих закрытий. И чем меньше оставалось от роты, тем бледнее становились лица тех, кто не участвовал в бою. Еще момент— и среди оставшихся послышались возгласы гнева и возмущения. А еще через минуту красноармейские части без приказа рванулись за уходящими и погибающими, как бы стремясь их догнать и спасти, по крайней мере тех, кто еще оставался в живых.

Напор был так стремителен, что белые не успели как следует направить и распределить огонь. Вокзал был взят одним налетом и буквально устлан трупами его защитников. Щадить врага в такой обстановке было нельзя.

В дальнейшей борьбе по ликвидации мятежа колебаний уже не было. Пример погибших коммунаров не выходил из памяти оставшихся в живых бойцов и побуждал их на подвиги.

Восстание на Красной Горке

Красная Горка, это—форт (отдельное укрепление) на южном берегу Финского залива, в 22 километрах к западу от Крон-

штадта. Этот форт усиливает укрепления Кронштадта и прикрывает подступы к Петрограду. Понятно, что такой важный пункт в обороне города Ленина не могли оставить без внимания враги Советской власти.

Восстание на Красной Горке летом 1919 года, точно так же, как и Ярославское, имело своей целью связать два белых фронта: армию Юденича и финские войска, которые без объявления войны по приказу Антанты 5 июня 1919 года начали военные действия против Советской России.

Наступление Юденича началось в то время, когда Красная армия на этом фронте сильно измоталась в жестоких непрерывных боях с латвийскими и эстонскими буржуазными войсками. Условия войны здесь были весьма тяжелы: болота, леса, испорченные дороги, сильный недостаток фуража и провианта. Истомленным, нуждавшимся в самом необходимом красным бойцам день ото дня становилось труднее противиться натиску свежих, хорошо вооруженных войск Юденича. Красная армия начала отход.

Юденич занял Копорье, приблизился к Ораниенбауму и стал почти в воротах Красного Питера. Рабочие по призыву коммунистической партии мобилизовались поголовно, спешно строили укрепления вокруг города и усиленно готовились к уличным боям. Пролетариат поклялся, что не отдаст своей столицы. Красная Горка и другие форты и

вообще мощь и надежность всей морской защиты Петрограда приобретали в это время особо важное значение, потому что по морю рыскали английские суда, только и искавшие случая вмешаться в войну. Если бы морские укрепления пали, им открылась бы свободная дорога прямо в рабочее сердце страны. И как раз в это тяжелое время на фортах началось белогвардейское восстание.

Это восстание подготовлялось «Национальным центром». К нему готовились давно и в строжайшей тайне.

Во главе заговора стоял командный состав Красной Горки и соседних фортов—бывшие офицеры царского флота. Известно было о заговоре и некоторым красноармейцам, бывшим солдатам царской армии, оставшимся служить на форту добровольцами после демобилизации старой армии. Их привлекли к заговору всяческими поблажками по службе, какие допускал комсостав. К заговору привлечен был также и комсостав кораблей «Петропавловск» и «Андрей Первозванный».

Руководителем восстания явился сам комендант форта Красной Горки, бывший лейтенант царского флота Неклюдов.

Восстание должно было начаться по знаку из форта «Павел». Рассчитывали, что дальше к восстанию присоединятся и остальные форты, затем—Кронштадт и военные корабли, после чего в Неву войдет английская

эскадра и Питер будет взят в несколько часов.

Вместе с белогвардейцами активно работал по подготовке восстания также и эсер Алымов, занимавший в форту должность библиотекаря.

Восстание началось 12 июня взрывом форта «Павел». Вслед за этим на Красной Горке начались аресты и расстрелы коммунистов. Затем была открыта стрельба из орудий по окружающим деревьям. Такой стрельбой руководители восстания предполагали вызвать озлобление крестьянства против Советской власти.

Казалось, что Красному Питеру нет спасения. Со всех сторон надвигались на него с шумом и грохотом белогвардейские волны.

Но белые просчитались и на этот раз. Ни рабочие Кронштадта, ни моряки с военных судов, на которых так рассчитывали белогвардейцы, не присоединились к восстанию. Наоборот, они выступили против него. Рабочий Петроград бросил на помощь верным частям свои боевые дружины.

Стремительным ударом рабочих и кронштадтских моряков Красная Горка была взята, и мятеж на ней подавлен.

Кронштадтский мятеж

Совершенно в другой обстановке, нежели ярославское восстание и восстание на Красной Горке, вспыхнул Кронштадтский мятеж ранней весной 1921 года.

Советское государство к этому времени развязалось с фронтами. С последним из внешних врагов, польскими панамы, война была кончена, и подходили к концу мирные переговоры. Но Советская страна еще не успела перейти к мирному строительству. Раны, нанесенные двумя тяжелыми войнами, не могли зажить так быстро. В стране еще продолжалась промышленная, продовольственная и транспортная разруха. Все хозяйство ее было расшатано. Недостатки и лишения смущали слабых и порождали колебания в отношении политической линии партии среди мелко-буржуазной части населения, главным образом среди крестьянства.

Эти настроения проникали даже и в отсталые прослойки рабочего класса. В Питере на некоторых фабриках были случаи забастовок, возникавших под действием агитации меньшевиков и эсеров, которые поспешили конечно воспользоваться тяжелыми условиями жизни рабочего для своей разлагающей работы.

Но вместе с тем советский строй за время героической 4-летней борьбы показал себя жизненным, способным вывести страну из самых трудных положений. Он показал себя государственным строем, наиболее близким, наиболее подходящим для широких масс трудящихся. Поэтому призыв классовых врагов к свержению Советской власти, к восстановлению «помазанника божия», то-есть царя

или к созыву Учредительного собрания уже не мог действовать ни на кого, никого не мог увлечь в Советской республике.

Это наконец стало понятным и самой буржуазии, перекочевавшей почти целиком за границу и уже оттуда строившей козни против рабочих и крестьян. Неудачливые спасатели России, проживая на хлебах у иностранных империалистов, попробовали применить к обстоятельствам. Все русские белогвардейские газеты без различия направлений,—кадетские, эсеровские, меньшевистские,—вдруг начали писать о том, что советы—вполне «приемлемая» форма управления. По мнению буржуазных политиков и их прихвостней из лагеря меньшевиков и эсеров, «не советы мешают спасению России», а те, кто сидит в этих советах. Если бы в них были «другие люди», а не большевики, то по мнению буржуазных писак и советы были бы хороши.

Вместе с буржуазными газетами о том же на все лады говорили и многочисленные листовки, которыми белогвардейцы наводняли питерские фабрики и заводы. Такими же доводами сбивали с толку не особенно твердых людей эсеровские и меньшевистские агенты, шнырявшие по заводам и по крупным рабочим городам.

Враги революции знали, что делали. Они понимали, что на учредилровку, или на «единую, неделимую» рабочего не поймаешь, а по-

тому били в любимое детище пролетариата—в советы. Всем дескать эти советы хороши, а без коммунистов будут еще лучше. Предполагалось конечно, что когда коммунистов в советах не будет, то там окажутся «настоящие люди», то-есть меньшевики и эсеры, а вместе с ними войдут точно так же и кулаки, и капиталисты, и попы, и все те, кого Октябрьская революция выбросила за борт.

Вся эта антисоветская агитация умело прикрывалась сочувствием к трудовому народу и лицемерными вздохами и сожалением о лишениях, против которых большевики будто бы совершенно бессильны.

Злое белогвардейское семя разбрасывалось повсюду, но нигде оно не дало таких хороших всходов, как в Кронштадте.

Кронштадт, ворота к Петрограду, уже давно привлекал к себе внимание контрреволюционеров. Они уже не раз за время гражданской войны пытались посеять здесь измену.

Из Кронштадта с успехом можно было грозить городу Ленина и в то же время легко держать связь с границей.

При первых же неустойках на питерских заводах Кронштадт наполнился белогвардейскими агентами, шпионами, подстрекателями и вместе с этим противосоветскими листовками и газетами. Все они били в одну точку: «Коммунисты обманывают народ. Да здравствуют вольные советы!».

В Кронштадте моряки и рабочее население

ние всегда отличалось революционностью. В 1905 году и особенно в октябрьские дни кронштадские рабочие и матросы показали во всей полноте свою революционную готовность. Они явились непосредственными участниками первых боев за октябрь.

Но старые моряки, гордость революции и главная опора Кронштадта, помнившие 1905 год и принимавшие деятельное участие в Октябрьской революции, разбрелись за время гражданской войны по фронтам, погибли на боевых полях, защищая завоевания Октября. На их место явилась молодежь, «клешники», «сачки» и «жоржики», как называли их старые моряки. Былая революционность Кронштадта превратилась в ухарство, в хвастливые уверения, что «Кронштадт всегда был первым в революции», всегда «задавал революции тон».

При первых же известиях о том, что в Питере, на почве тяжелых условий жизни начались забастовки рабочих, в морских командах Кронштадта пошли разговоры о том, что надо поддержать питерцев. То же повторяли и меньшевистско-эсеровские листки, распространявшие известия о том, что в Питере «большевики расстреливают рабочих».

Кронштадт зимой плохо связан с Петроградом. Поэтому о том, что творилось в городе, доходило до Кронштадта в самом путанном, извращенном виде. Ходоками же, отправлявшимися туда, выбирались, благодаря ра-

боте эсеров и меньшевиков, те, кто не только не опровергал белогвардейскую ложь, а еще сам сознательно усиливал ее и окончательно запутывал несознательную молодежь да и многих стариков. Об этом уж старались те, кому на руку были всякие затруднения Советской власти. И вот по настоянию команд кронштадским исполкомом был созван митинг. На нем присутствовало около 15 тысяч красноармейцев, матросов и рабочих.

На митинге выступил М. И. Калинин. Он просто и ясно обрисовал действительное положение в Питере и в других городах Советской России. Но явившиеся из Питера эсеровские ходоки извратили его речь и представили положение в городе в ложном свете. Митинг после длительных споров вынес резолюцию, в которой требовал «свободного переизбрания советов», уничтожения политотделов, чрезвычайных комиссий, восстановления свободной торговли и прекращения преследований эсеров, меньшевиков и анархистов.

После принятия такой резолюции было выражено недоверие центральной власти и назначены перевыборы советов в Кронштадте. Впредь до избрания нового совета был выбран «революционный комитет» из числа руководителей выступления. Было это 1 марта, а уже на следующий день меньшевики и эсеры, проникшие в ревком, выпустили воззвание, в котором прямо требовали уничтоже-

ния Советской власти и созыва Учредительного собрания. Вместе с тем Кронштадт стал быстро наполняться старыми царскими офицерами, прибывавшими из Финляндии.

Это сразу же заставило многих призадуматься, но уже было поздно. Все советские и военные учреждения Кронштадта были захвачены контрреволюционным ревкомом, все коммунисты арестованы и рассажены по казематам, «ненадежные» караулы сменины мятежными матросами с «Петропавловска». Мятежники наладили связь с Финляндией, откуда пришли транспорты с продовольствием и медикаментами. Оборона острова была поручена бывшему царскому генералу Козловскому, и в ревкоме решался вопрос, как начинать борьбу с Советской властью,—наступать ли на Петроград или выждать, когда разовьется восстание в других городах и в Красной армии.

На такое общее восстание мятежники сильно рассчитывали, потому что об этом неустанно повторяли белогвардейские подстрекатели. Но мятежники и белогвардейцы жестоко ошиблись. В решительную минуту опасности вся поддержка трудящихся оказалась на стороне Советской власти и коммунистической партии. Красный Петроград, на который особенно рассчитывали мятежники, не только не помог им, а наоборот, петроградские рабочие послали свои лучшие силы на борьбу с мятежом.

Окрестные крестьяне—вторая надежда мятежников,—тоже не оправдали их ожиданий. Привлеченные красным командованием для гужевой повинности, то-есть для подвоза продовольствия, боеприпасов на фронт, для санитарной службы, крестьяне вполне сознательно отнеслись к порученному им делу. Они работали круглые сутки, часто подвергая жизнь опасности при бомбардировках. В весеннее бездорожье они, не требуя никакого вознаграждения, по нескольку раз в день совершали поездки на фронт, переносили на руках тяжелые грузы там, где лошади выбивались из сил.

Наконец Красная армия—самая главная надежда мятежников—ни на минуту не поддалась обману. Части Красной армии даже в самом Кронштадте оказались мало надежными для мятежников. Стоявший в Кронштадте 560-й пехотный полк, несмотря на то, что почти сплошь состоял из пленных махновцев и деникинцев, долго не решался изменить Советской власти. Только арест коммунистов и переход командира полка на сторону мятежников привели к тому, что полк остался в Кронштадте, но и тут занял выжидательное положение и в боях участия не принимал. Зато кронштадтская пехотная школа в полном составе, в первые дни после разрыва мятежных матросов с Советской властью, ушла пешком по льду из Кронштадта в Ораниенбаум.

Части, подтянутые к Кронштадту для борьбы с мятежом, не обнаружили перед боями ни малейшего колебания хотя агенты мятежников, призывавшие к неисполнению боевых приказов шныряли повсюду. На станциях, на которых останавливались воинские эшелоны, они ввязывались в разговоры красноармейцев и наводняли деревни, в которых располагались войска.

Но работа их пропала даром. Если их и слушали, то слушали недоверчиво. В большинстве же случаев сами красноармейцы вступали с ними в горячие споры, не подозревая, что перед ними их заклятые враги, враги всего пролетариата и трудового крестьянства. Считали их только несознательными людьми и пытались просветить и переубедить.

Думая разложить Красную армию, играя на трудности красноармейского положения, мятежники забыли одно. Забыли, что в 1921 году Красная армия была уже не той голодной, полуодетой, слабо обученной, слабо вооруженной толпой, которая митинговала и обсуждала боевые приказы, как в 1918 году. В 1921 году это была уже стройная, дисциплинированная, хорошо вооруженная, спаянная во всех своих частях, воинская сила, с крепким коммунистическим ядром в основе, впитавшая в себя весь богатый опыт гражданской войны на внешнем и внутреннем фронтах. Это мятежный Кронштадт очень скоро почувствовал на самом себе.

Кронштадт, это — первоклассная морская крепость, весьма удобная для обороны и еще больше усиленная во время мятежа проволочными заграждениями, в которые был пущен электрический ток. Общее количество мятежников достигало 15 тысяч бойцов при большом количестве пулеметов, бомбометов, легких и тяжелых орудий, прожекторов и прочих технических средств. К этому же надо было прибавить команды и вооружение таких мощных кораблей, как «Петропавловск» и «Севастополь».

Наступать на Кронштадт приходилось по гладкому, чистому, не дававшему никаких укрытий ледяному полю. Это ледяное поле почти сплошь было под водой. Лед кое-где начинал уже давать трещины.

Это увеличивало трудность борьбы пехотных частей с морской крепостью. Красной армии предстояло вести бой в чрезвычайно тяжелых условиях. Требовалось величайшее напряжение и от бойцов и от командования, от органов снабжения и от транспорта. Нужно было не только взять мятежную крепость, но взять ее с возможно малыми жертвами и как можно скорей: ведь ледоход, которого приходилось ожидать со дня на день, сделал бы Кронштадт совершенно неприступным.

Не только Красная армия, но и весь аппарат Советской власти, вся партия и вся страна напряглись в одном общем усилии. Красная армия дала сюда своих лучших бойцов и

лучших командиров. Партия послала своих лучших работников: 320 членов X партийного съезда, собравшихся со всех концов Советской страны, отправились в армию и встали в ее ряды в большинстве случаев рядовыми бойцами. На фронте и ближайших тылах началась самая напряженная работа в течение круглых суток.

Слово «нет» в то время не существовало. Это слово казалось преступным. Требования фронта выполнялись немедленно и без оговорок. Снабжение прибывающих на фронт частей производилось очень быстро. Когда например потребовалось одеть два полка в белые халаты, а халатов в Питере не оказалось, то они были изготовлены в течение буквально нескольких часов. Жены рабочих и советских работников изготовили их без всякого вознаграждения.

Такая дружная согласованная работа советской общественности и всех органов власти сразу же сказалась на фронте. Фронт верил в победу. Части горели нетерпением перейти в атаку и считали излишним все подготовительные работы. Нужно было доказывать важность предварительной подготовки для такой серьезной, небывалой в истории войн операций, как штурм пехотными частями первоклассной морской крепости.

Решительный штурм был назначен ночью с 16 на 17 марта. В наступление были выделены для действия с юга, то-есть со стороны

Ораниенбаума 32-я, 79-я, 80-я, 137-я, 167-я бригады для действий с севера — сводные курсантские части. Руководил наступлением т. Тухачевский, нынешний командующий войсками ЛВО.

Днем 16 марта вся красная артиллерия фронта открыла огонь по Кронштадту. Артиллерия мятежников отвечала пугливым, мало действительным огнем.

К вечеру артиллерийский бой начал затихать, и над ровной ледяной поверхностью залива одна за другой пролетели воздушные машины с бомбами. Раздались взрывы. После них над Кронштадтом и его фортами начало подниматься зарево.

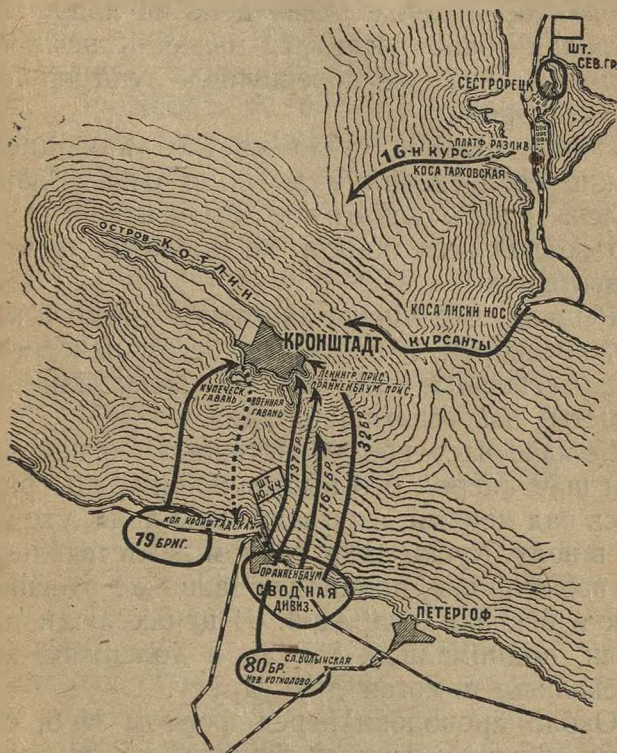
К ночи залив и Кронштадт затянуло густым туманом. В этот туман, окрашенный багровым заревом пожара и каждую минуту прорезываемый бледным светом прожекторов, и начали погружаться одна за другой красные части, чтобы вернуть Кронштадт республике.

Настала мертвая тишина. Бойцы в белых халатах, рота за ротой, в глубоком молчании двигались по льду. За ними — «связь», расставляя по снегу вешки для проводов. За ротами — на детских салазках пулеметы.

Около берега — снег. Чем дальше от берега, тем больше воды, стоявшей поверх льда. Кое-где длинные узкие трещины — полыньи. Их переходили по лестницам, которые тащили с собой на плечах. Иногда при свете

прожектора останавливались, ложились прямо в снег или в воду, не чувствуя ни холода, ни боли.

Так шли всю ночь до самого утра. К утру

Как был взят Кронштадт. Стрелками показано направление атак красных частей.

туман начал рассеиваться. Рассыпались в цепи и снова двинулись вперед. Кронштадт серой, тяжелой глыбой рисовался на фоне по-

жара. Противник нервно шарил по льду прожекторами. Бойцы подтянулись. Все было тихо...

Но вот верстах в двух от форта один прожектор нащупал нашу цепь на льду. Нащупал и точно воткнулся в нее. К нему на помощь сейчас же повернулись лучи других прожекторов.

Перед цепями стало светло, как днем. Яркий свет слепил и до боли резал глаза. Залечь и укрыться от него было негде: гладкая водная поверхность не имела ни одного возвышения.

Решили, что лучше двигаться прямо и как можно скорей, и бросались бегом навстречу свету. Начался огневой бой. Зачастили пулеметы, загромыхали орудия.

Больше часу под убийственным огнем части шли вперед без выстрела. Снаряды рвались над цепями, взрывали горы льда, уходили в воду. Куски льда, градом разлетавшиеся во все стороны, причиняли такие же ранения, как и осколки снарядов. В цепях люди падали, поднимались, тонули в полыньях, карабкались, помогая друг другу.

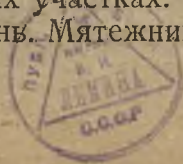
Около проволоки перед фортом № 6, самым сильным из всех фортов, на который вели наступление сводные батальоны курсантов, противник взорвал ранее заложенными минами лед. Образовалась длинная полынья, сажен в шесть шириной. Одна часть курсантов осталась под самой проволокой под

расстрелом всех пулеметов форта, другая— на той стороне полыньи. Замялись.

Но замешательство продолжалось только один момент. Затем курсанты стремглав бросились в обход полыньи, а некоторые, более горячие,—вплавь. Через несколько минут соединились, собрались с силами, и с криком «ура» бросились на форт. Завязался короткий, но упорный и кровавый рукопашный бой под грохот орудий с других фортов.

Через десять минут форт был взят, но буквально устлан телами. Угрюмо озираясь, вышли из казематов мятежные защитники его, сложив оружие и прислушиваясь к вспыхивавшему вдали в разных местах «ура». Мятежников было немного, но немного осталось и победителей, потому что потери с обеих сторон были велики: от батальона сводного полка курсантов осталось только 18 человек.

Такие же упорные бои шли и на южной стороне. 32-я бригада ворвалась в город через Петроградские ворота и вышла в район военной гавани, но здесь попала под перекрестный огонь противника и остановилась. Ее поддержала 80-я бригада, которая, как на параде, подошла без выстрела развернутым фронтом, и обе бригады вместе вошли в город. Утром 17 марта в город вошли почти все наступавшие части, и бой завязался на улицах и на отдельных участках. Тянулся он с перерывами весь день. Мятежники, потеряв

надежду на победу, дорого продавали каждую пядь земли.

К вечеру, несмотря на сильный обстрел с уцелевших фортов, в город вошла батарея, ее орудия открыли огонь по укрепленным местам на улицах.

Часам к 10 вечера мятежники, команда за командой, начали сдаваться. К полночи только отдельные группы их, наиболее упорные, сражались на свой страх и риск, отрезанные от всех и не зная, что руководители мятежа и царские генералы уже скрылись и по льду бежали в Финляндию.

К утру 18 марта Кронштадт был возвращен республике. 486 красноармейцев и 31 командир заплатили жизнью за свою преданность революции.

Много больше пострадал противник, несмотря на то, что сидел за прочными укреплениями. Свыше 1 000 человек убитыми и больше 2 000 ранеными обошлась мятежникам защита Кронштадта. Более 2 500 человек было захвачено в плен с оружием в руках. Много больше этого числа явилось с повинной на другой и на следующие дни после взятия Кронштадта.

Так было раздавлено контрреволюционное восстание, на которое сильно рассчитывали все зарубежные враги Советской власти и плодами которого думали воспользоваться они и вся жадная свора иностранных и русских капиталистов. Мятеж был последним

отголоском гражданской войны, последней вооруженной попыткой классовых врагов свалить диктатуру пролетариата. Но он только подтвердил крепость советского строя, а для Красной армии явился всесторонним экзаменом ее политической зрелости и стойкости, экзаменом не только одним бойцам и командирам, но и всей военной системе страны.

Экзамен этот был выдержан с честью. Это подтвердили и сами враги Советской власти, которые так писали после мятежа в своих газетах: «Вооруженная борьба за Кронштадт показала, что большевики располагают хотя немногочисленными, но стойкими войсками, которых не смущают никакие посторонние лозунги». Так писала белогвардейская газета «Русская мысль», а другая газета «Руль» к этому прибавляла: «Мятежников победила боевая организация большевиков, как наиболее крепкая из всех».

Кронштадтский мятеж был ярким проявлением политических колебаний среди крестьянства и недовольства его существовавшей тогда системой военного коммунизма, который был необходим во время гражданской войны. Но эта война закончилась. В целях укрепления смычки пролетариата с основными массами крестьянства и для ускорения подъема промышленности и сельского хозяйства X съезд партии принял решение заменить продразверстку продналогом и допустить

свободу торговли. Этим начался переход от военного коммунизма к новой экономической политике.

Кулацкие восстания и бандитизм.

Кулаки, белогвардейцы, бандиты.

Кулацкие восстания составляли важнейшую часть внутреннего фронта.

Кулачество при царе жестоко угнетало и эксплуатировало не только бедноту и батрачество, но даже и середняцкое крестьянство и при этом пользовалось во всех случаях поддержкой власти. Царский министр Столыпин в своей борьбе против революционного движения в деревне опирался на кулака. Он в полном смысле слова отдал деревню на ограбление богатому мужику, кулаку, мироеду, ростовщику. Из них царское правительство комплектовало деревенских администраторов и управителей: старост и старшин. Опираясь на них и на целое море духовенства, оно выжимало из деревни подати, налоги, сборы и давило бедноту.

Кулак, благодаря своему положению и покровительству власти, прибрал к своим рукам лучшие земли, разорял деревню, богател и чувствовал себя хозяином на селе. Вот как характеризует его т. Ленин: «Кулаки—самые зверские, самые грубые, самые дикие экс-

плохотаторы, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов и капиталистов. Кулаков больше, чем помещиков и капиталистов. Но все же кулаки—меньшинство в народе: едва ли больше двух миллионов кулачья, богатеев и спекулянтов хлебом. Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны, они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и на другие продукты. Эти пауки жирели на счет разоренных войной крестьян, за счет голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся».

Октябрьская революция разбила благополучие кулака. Она вырвала основу его могущества на деревне— собственность на землю, лишила его избирательных прав и тем крайне ограничила для кулака возможность влиять на общественную жизнь деревни. Поэтому кулак с первых же дней Октября становится заклятым врагом Советской власти. Он выступает против нее с оружием в руках самостоятельно или в союзе с белогвардейщиной и западными интервентами. Этот военный союз кулака, белогвардейца и интервента придает всем кулацким восстаниям большую устойчивость.

Руководителями и устроителями кулацких восстаний являлись главным образом эсеры и меньшевики сами по себе или через них белые генералы. Немало постарались для поднятия кулацких восстаний и наши зарубеж-

ные враги и ближайшие соседи: Польша и Румыния, особенно последняя.

Боясь за Бессарабию, захваченную обманом в то время, когда Советская Россия была занята борьбой с немцами и Калединым, Румыния все усилия направляла на то, чтобы война и разруха в Советской стране продолжались, как можно дольше. Это давало румынским боярам время крепче прибрать к рукам Бессарабию, искоренить в ней всякий революционный дух и придушить всякое стремление к соединению с Советской Россией.

Одним из средств поддерживать в Советской стране разруху являлись восстания. Для поддержки их Румыния и Польша охотно жертвовали большими средствами. Они принимали к себе всех руководителей восстаний и давали им защиту. Разбитые и преследуемые Красной армией, повстанцы-бандиты находили здесь самое широкое гостеприимство. Они здесь не только отдыхали, но и снабжались всем необходимым для дальнейшей борьбы — деньгами, оружием, боеприпасами. Часто они проходили там даже курс военного обучения под руководством офицеров. На румынской же территории формировались иногда и новые банды. Окончив подготовку, они переправлялись на румынских судах на советскую территорию. Румынские аэропланы разведывали для них в это время местность и расположение красных

войск. Большая часть банд, действовавших на Правобережной Украине, корни свои имели в Румынии.

Благодаря тому, что руководящие указания для кулаков и белогвардейцев зачастую шли из одного источника, кулацкие и белогвардейские восстания часто связаны между собой и по времени, одинаково являясь поддержкой внешнего фронта.

Всякое кулацкое восстание неизменно сопровождалось бандитизмом, то-есть разбоем и грабежом. Особенно много бандитских шаек породили кулацкие восстания на Украине. Банды грабили бедняцкое и середняцкое население, деревни, пускали под откосы поезда, громили советские учреждения и склады и устраивали еврейские погромы. Грабежу и погрому всегда сопутствовала жестокая расправа с коммунистами, с рабочими и трудовым крестьянством.

Точно такую же картину можно было наблюдать и во время белогвардейских восстаний. Вообще в отношении грабежа белые генералы, кулаки-повстанцы и просто бандиты ни в какой степени не уступали друг другу, и уже одно это в достаточной степени сближает кулацкое повстанчество с генеральской белогвардейщиной. Например первые же дни белогвардейского восстания в Ярославле в городе начисто было разграблены все склады губпродкома, и все товары растащены по офицерским квартирам. Грабежами и насили-

ями белых полна вся гражданская война. По занятии белыми Курска в 1919 году офицерство устроило там настоящую распродажу награбленного в других городах имущества. Золотопогонные воры, не снимая знаков отличий, рядами выстраивались на площади около бульвара и «с рук» продавали часы, ложки и прочие ценные вещи. В город съехались спекулянты и торгаши со всего юга России. Иностранцы офицеры, находившиеся в армии Деникина, не теряли случая приобрести при этом какую-либо ценную вещь по дешевке. Во Францию, в Англию отправлено было таким путем немало ценностей, ранее составлявших украшение великокняжеских и царских имений. Знаменитый дворец Николая II в Ливадии (Крым) не был окончательно разгромлен только потому, что все наиболее ценное было припрятано охраной, так что грабителям-монархистам досталась только «мелочь».

«Верхи» загребали добычу поценней и по больше. Генерал Шиллинг, например, ухитрился продать за границу оборудование целого казенного завода и деньги положил себе в карман. Командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский возил с собой целый поезд награбленного и по частям переправлял его за границу. Сам Врангель купался в награбленном добре и кончил грабеж тем, что продал целый русский флот французам.

В стане кулацко-националистическом то же самое процветало в самом откровенном виде. Петлюра, например, имел в Галиции целые склады награбленного. Махно прятал награбленные золотые и серебряные вещи в бочонки, хоронил их в укромных местах и под пьяную руку дарил своим сотрудникам часы, кресты, портсигары. Каждый из махновских командиров первым делом обзаводился «кладом». То же самое происходило в бандах других батек и атаманов.

Союз кулака и белого генерала, скрепленный кровью, грабежами и насилиями, наладился не вдруг. Противоречия между мелкой буржуазией в лице кулака и буржуазией крупной, стоявшей за спиной белых генералов,

С. Петлюра, председатель Националистического правительства Украины (Рады). Пригласил в 1918 году на Украину немцев для борьбы с рабочим классом и крестьянской беднотой. В 1920 году вступил в Киев вместе с поляками. После гражданской войны был убит в Париже русским эмигрантом Шварцбардом, мстившим ему за еврейские погромы, которые кулацкие банды Петлюры устраивали на Украине.

время от времени пробивали в кулацко-генеральской дружбе глубокие трещины.

Генеральская белогвардейщина вместе с крупной буржуазией и помещиками стремилась к восстановлению монархии, хотя и прикрывалась иногда лозунгами Учредительного собрания и демократической республики. Процесс «Промпартии» в декабре 1930 г. показал, что белогвардейщина не только во времена гражданской войны, но и теперь еще мечтает о монархии. Ее лозунг «через генеральскую диктатуру к монархии» как был, так и сохранился во всей своей неприкосновенности до сих пор. Монархия—мечта белогвардейщины. По монархии белое офицерство заскучало сразу же после Февральской революции, смахнувшей и царя и «весь царствующий дом».

Само собой понятно, что кулачество в конце-концов тоже было не против монархии. Однако полного возврата к старому оно не особенно желало по той простой причине, что надеялось закрепить за собой земли, захваченные при ликвидации помещичьего, церковного и монастырского землевладения.

После Февральской революции украинское крестьянство, как и везде, приступило к захвату и дележу государственных, монастырских и помещичьих земель. Но выгадал на этом больше всего кулак и зажиточный крестьянин. Беднота, представлявшая в украинской деревне слабый слой, осталась ни

с чем. Дальше кулаку надо было закрепить захваченное за собой, он в это время тоже выражал недовольство Временным правительством, которое состояло из капиталистов и помещиков и всячески противодействовало «самовольным» захватам помещичьих земель, посылая против захватчиков карательные отряды. К затруднениям, в которых находилось Временное правительство перед Октябрьским переворотом, кулак вследствие этого относился в высшей степени равнодушно. С таким же равнодушием принял он и падение Временного правительства.

Но классовая природа кулака сразу же выплыла наружу, лишь только партия, создав в деревне Комитеты бедноты, заставила кулака отдать хлеб и лишила кулака возможности влиять на общественную жизнь. Всколыхнувшаяся беднота, поддерживаемая всей силой власти, потребовала своих прав. Жертвовать своими классовыми интересами кулак не желал. Он схватился за оружие и принялся упорно защищать и старое и вновь захваченное добро на этот раз уже не от карательных отрядов Временного правительства, а от напавшей со всех сторон бедноты, поддерживаемой Советской властью.

Это связало кулака с белыми генералами. Кулачество поддерживало белых генералов в то время, как те боролись с Красной армией и уничтожали Советскую власть на местах. Во время этой борьбы повстанцы-кулаки ва-

лом валили в армии белых генералов. Они являлись прекрасными разведчиками для белых армий. Они избивали и всячески запугивали бедноту, действовали в тылах красных войск, уничтожали войсковые обозы, спускали под откосы поезда. Подчас белые генералы даже сами искали помощи у кулаков. Сам

По следам белых генералов. Расстрел бедноты на Дону взбунтовавшимися кулаками.

Врангель писал главному предводителю кулацко-повстанческих банд на Украине, Махно, дружеские письма, предлагая бороться против Советской власти сообща. «Мы против жидов—вы против жидов, мы против комиссаров,—вы против комиссаров, вы против чрезвычайек и мы против чрезвычайек, а потому давайте объединимся и поведем сообща борьбу за «единую, неделимую Россию», так гласило одно из писем черного барона.

Кулацкие восстания против советов ши-

рюким потоком разливались по Украине, на Кубани, на Кавказе, в Туркестане, в Бухаре и всюду, где кипела гражданская война. Эти восстания захватывали огромные области. Но оказывать планомерное, серьезное и постоянное сопротивление регулярным частям Красной армии повстанчество все же не могло, несмотря на всю помощь белых генералов. Ему нехватало организации и средств долговременного полевого боя. Главное же в том, что повстанчество очень редко и только ненадолго удавалось отрывать от тех мест, где оно первоначально возникало. Кулаки восставали и упорно дрались там, где было их добро, то-есть в пределах своей волости, уезда, в крайнем случае—губернии. В защите своей собственности они видели и весь смысл борьбы и, оторванные от него, теряли охоту драться.

При такой войне «поуездно» повстанческие атаманы рисковали остаться совсем без «войск», если бы повстанческие отряды не состояли наполовину из злостных дезертиров, воров, грабителей, убийц.

В повстанческих армиях уголовные элементы нередко занимали главные должности. Но при этом всегда оставались верными своей прежней профессии. Например прославившийся своей жестокостью начальник махновской разведки, Левка Задов, до революции вор, остался воров и в своей новой должности. Обыскивая пленных или заложников, он

присваивал все найденные у них ценные вещи, вызывая зависть у прочих «командиров». Тем же занимались махновские военачальники и другие повстанческие атаманы Украины и Белоруссии.

Сами устроители и руководители мятежей, даже если этими руководителями являлись правители целых государств вроде Польши или Румынии, не стеснялись пользоваться уголовными преступниками и целыми разбойничьими шайками для своих политических целей. Особенно тесную дружбу с уголовниками вел знаменитый украинский «головной атаман» Симон Петлюра. Вся политическая деятельность его сплошь состоит из погромов и грабежей.

Заняв какой-либо город или местечко, петлюровцы начинали с того, что вырезывали всех советских работников и коммунистов. Затем устраивался общий погром, начинавшийся обыкновенно с того, что петлюровцы выпускали из мест заключения всех уголовников и давали им возможность принимать самое деятельное участие в погроме и грабежах.

По окончании погрома само собой разумеется, что все эти уголовники торжественно вступали в петлюровские войска и увеличивали собой в них преступный элемент. Вместе с наиболее оголтелой частью кулачества, имевшей особые счеты с Советской властью, они составляли обычно небольшое, но креп-

кое и постоянное ядро любой бандитско-повстанческой шайки, как бы ее кадр. По окончании боевых действий в каком-либо районе, кулачество в массе своей, а также обманутое кулаками и затягиваемое в бандитско-повстанческие шайки крестьянство оставались на месте и прятали до случая оружие где-нибудь в укромном месте. Уголовное же ядро вместе со своим «батькой» перебиралось в другой район и здесь снова обростало кулацким элементом. Волна повстанчества благодаря этому как бы перекачивалась из уезда в уезд, причем бандитско-кулацкое ядро его вместе с самим батькой во всех случаях оказывалось почти неуловимым.

Война в своем районе давала кулацким бандам большие выгоды по сравнению с частями Красной армии, потому что на месте боевых действий повстанцам был известен каждый куст, каждая тропинка. Это позволяло им появляться всегда врасплох и скрываться в случае разгрома и опасности совершенно бесследно.

Воюя у себя дома, повстанцы не нуждались ни в продовольственных складах, ни в больших обозах, которые так связывают регулярные части. Кроме того, происходя из одного района, волости, часто из одной деревни, повстанцы в большинстве были известны друг другу. Это укрепляло спайку между ними и легко позволяло вылавливать «чужаков» и красную разведку.

В самих боевых действиях повстанцев было много особенностей, выработавшихся во время самой борьбы.

Отсутствие тыла, а значит и невозможность обеспечить своевременной помощью больных и раненых, отсутствие складов и запаса боеприпасов не давали повстанцам возможности вступать в бой с крупными частями Красной армии и вообще вести боевые действия затяжного порядка. Это сильно уменьшало боеспособность повстанческих частей и позволяло им действовать только налетом, нападать только тогда, когда победа казалась верной. Но это же самое научило бандитов хорошо действовать мелкими партиями, в одиночку и применять такие боевые хитрости, к каким не могли конечно прибегнуть красноармейские части, привыкшие действовать в крупных соединениях. Город Изюм был захвачен повстанцами например так. Незадолго перед этим разбитые банды по обыкновению рассыпались по уезду, а затем, выяснив, что в Изюме оставлены не особенно большие красноармейские части, решили занять город. Они выбрали базарный день, когда в город с утра тянулись возы с продовольствием, и послали с этими возами своих людей. В каждом возу был спрятан бандит, а кое-где и пулеметы. Когда возов на базаре накопилось достаточно, бандиты вылезли и при помощи кулачья, съехавшегося на базар, напали на раскварти-

рованную в разных местах города часть и перебили всех красноармейцев.

Каждый из повстанцев бандитских шаяк чувствовал себя в бою самостоятельно и привык действовать на свой страх и риск. Команды или вернее приказания отдавались лишь для начала и конца боя, в котором каждый действовал применительно к обстоятельствам. Если же нужно было действовать скопом, большими массами, то любимым боевым порядком повстанцев все-таки была лава, то-есть рассыпной строй, в котором бойцы смыкаются только для удара.

Необходимость прятаться и скрываться выучила бандитские шайки искусно пользоваться местностью, быть прекрасными разведчиками и во всех случаях полагаться только на свою находчивость и смелость.

Благодаря самостоятельности отдельного бойца, повстанческие части в бою не требовали за собой постоянного наблюдения командиров. Правда повстанцы наступали и отступали по приказанию, но дальше уже сами оценивали обстановку и действовали сообразно с ней. Потерпев поражение в бою с крупной регулярной частью, они обычно рассыпались во все стороны мелкими кучками или поодиночке. Этим они сильно затрудняли преследование. Затем знакомыми тропами и лесами они перебирались в назначенный заранее район и через несколько дней собирались снова в готовую для боя банду или пря-

тали оружие и временно расходились по домам под видом мирных жителей.

Все это делало борьбу с повстанчеством весьма упорной и тяжелой, особенно на Украине. Вся Украина в течение 3-4 лет была местом действий многочисленных батек и атаманов, которые немало затрудняли действия Красной армии на внешнем фронте и нарушали советскую работу.

Из всех таких «батек» наиболее опасным и наиболее живучим оказался Махно, по имени которого называется и все кулацко-повстанческое движение на Левобережной Украине—махновщина. В махновщине отразились в наиболее цельном и законченном виде все стремления украинского кулачества и все особенности повстанческих боевых действий.

Махновщина.

Махновщина, как и всякое кулацко-повстанческое движение, прикреплена к определенному району, но район ее был весьма обширен. Он охватывал все пространство между городами Екатеринославом—Александровском—Мелитополем—Славянском и Ново-московском.

Район этот по преимуществу крестьянский. Целые города, например Гуляй-Поле или Орехов, сплошь крестьянские. Значительная часть крестьянства принадлежала к зажиточным, крепким кулацким хозяйствам. В национальном отношении население было весьма

пестрым,—украинцы, немцы-колонисты, греки, армяне.

Когда на Украине появились германцы, то это прежде всего отразилось на деревне. Немцы душили крестьянство всевозможными реквизициями и поставками, а при неисполнении накладывали тяжелые контрибуции. Это понятно вызывало возмущение, которое очень быстро стало принимать форму вооруженной борьбы. С первых же вспышек такого возмущения крестьянству стал помогать Махно!

Сам Махно—сын крестьянина из Гуляй-Поля, по профессии учитель, по политическим взглядам—анархист¹. В 1918 году он с группой своих односельчан встал во главе повстанческого отряда, действовавшего против немцев. Этот отряд действовал настолько успешно, что к Махно потянулись все недовольные существующими порядками.

¹ Анархисты — сторонники анархизма, учение, которое проповедует полную свободу личности, непризнания частной собственности, безвластие и отрицает государство. Анархизм отражает интересы городской мелкой буржуазии и босяцкой части рабочего класса (люмпен-пролетариата). Эти группы населения против господства капитала, но не могут понять необходимости организованной пролетарской борьбы с ним. Поэтому они не признают и необходимости для пролетариата завоевания власти и установления диктатуры пролетариата. Этим они во всех странах облегчают борьбу буржуазии против рабочих. У нас анархисты в конце концов явились прямыми, открытыми и активными противниками Советской власти. В 1918 году они например произвели взрыв дома в Леонтьевском переулке в Москве, где помещался Московский комитет РКП (б), причем во время взрыва было убито много ответственных партийных работников г. Москвы и в том числе т. Загорский, председатель МК.

С уходом немцев Махно стал действовать против Деникина. Его отряд препятствовал мобилизациям и реквизициям, проводимым белыми генералами, уничтожал обозы и мелкие белогвардейские отряды, производил разгром усадеб, в которые вместе с белыми возвращались и помещики. Крестьянство оказывало Махно в это время полную поддержку. Немало в отряде было и рабочих и коммунистов. Отряд Махно сильно разросся. Вскоре он стал называться «Повстанческой армией Украины».

Повстанческая армия настолько сильно вредила Деникину, что тот должен был для охраны своих тылов срывать с фронта лучшие части. Однако они успеха не имели, а только научили Махно действовать против регулярной конницы. Слава Махно благодаря этому увеличилась. Поскольку его армия в это время боролась с белогвардейщиной, она могла считаться революционной.

Но вот на Украину стала продвигаться,

Н. Махно.

тесня Деникина, Красная армия. С приближением ее махновские части сильно поределли. Крестьянская беднота, коммунисты, рабочие, тяготясь крайней недисциплинированностью частей повстанческой армии и их склонностью к «барахольству», стали толпами покидать Махно и переходить в Красную армию. То же стали делать и лучшие командиры Махно. Даже сам Махно долго колебался, как ему быть.

Но переход в Красную армию для него был почти закрыт. Ему мешали с двух сторон. Во-первых, когда повстанчество стало расти, к Махно съехались со всех сторон анархисты-одиночки и целые их группы. Они пытались здесь под прикрытием махновской силы наладить «безвластное» общество и тянули Махно, как анархиста, против Советской власти. Во-вторых, мешала собственная «армия». С уходом бедноты, рабочих и коммунистов она стала быстро разлагаться. Уголовники, примазавшиеся к ней, как и ко всякому повстанческому движению, и составлявшие ее ядро, занимались по преимуществу грабежом. Комсостав был занят тем же. В армии царило пьянство, самый дикий разгул и невероятный разврат. Каждый «начальник» обзаводился собственным гаремом проституток.

Такая обстановка затягивала повстанцев и самого Махно. Он сам не меньше других предавался всем порокам бандитизма. Напри-

мер, по занятии Бердянска там был прежде всего устроен еврейский погром, затем были вытащены из погребов лучшие вина, и вся «армия» перепилась. Пьяные махновцы собрали всех проституток города и устроили им смотр для того, чтобы «сам батька» мог выбрать лучшую.

При такой обстановке вся «повстанческая армия Украины» быстро превратилась в буйную ораву, не считавшуюся ни с чем, кроме силы. У махновцев накопилось много грехов против Советской власти. Немудрено поэтому, что они следили за быстрым продвижением на юг Красной армии без всякого удовольствия.

Всего больше боялось этого продвижения понятно кулачество. В махновских районах кулаки составляли очень густой слой и плотно охватили и самую повстанческую армию. На кулачество должен был опереться Махно, потому что от него ушли все, кто раньше считал повстанческую армию революционной силой.

Кулацкое население махновского района во время владычества Деникина на Украине ничего лучшего для себя не желало. Оно не поддавалось деникинским усилиям привести украинскую деревню к повиновению, но не особенно сильно ссорилось с белыми генералами и в общем не теряло надежды в конце-концов договориться с ними. В то же время, благодаря Деникину, оно успешно торговало даже с заграницей хлебом и прочими продук-

тами. В обмен оно получало сельско-хозяйственные орудия, мануфактуру и фабричные изделия. И все это анархически, без какого-либо посредничества власти, иногда даже вопреки ей, непосредственно от агентов иностранных фирм, разъезжавших по деревням и скупавшим все, что попадалось им под руку. Государственная власть при таких обстоятельствах для кулачества являлась обузой, а потому махновщина ему была очень и очень по душе.

Под влиянием этого сложился и весь внутренний порядок махновщины, — «махнатой республики» как ее называли в то время. Появились «безвластные» исполкомы, советы депутатов. На них съезжались «выборные» от крестьянства, разумеется кулацкого или вообще зажиточного, и занимались мелкими делами. Крупных вопросов, например о перераспределении земли, о кооперации и т. д., тут конечно не поднималось, — это было невыгодно кулаку.

Центральной как гражданской, так и военной властью был сам Нестор Иванович Махно или батяка Махно. При нем состоял «ревсовет повстанческой армии», состоявший из анархистов и кулаков. Но это была, так сказать, только официальная власть. Настоящей же властью был «отряд» в лице своего командного состава, состоявшего из наиболее отчаянных головорезов. Эта кучка и вершила все ми делами «махнатой республики» и держала

в руках самого Махно. Она же в согласии с желанием «народа», то-есть кулаков, выдвинула вопрос о прямом сопротивлении Красной армии, с которой махновцы и встретились в конце декабря 1919 года.

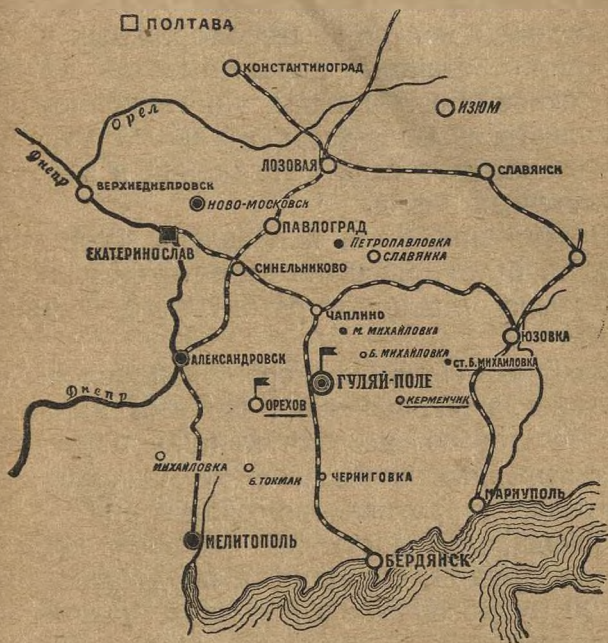
Вся армия Махно к этому времени представляла собой три так называемых корпуса. Каждый корпус состоял из неопределенного количества полков неопределенного же состава. Полки эти собирались случайно из охотников, перебежчиков из других бандитских шаек, дезертиров из армии Деникина или из Красной армии.

То лицо, которое сформировало такой полк, являлось и его бессменным командиром. Даже сам Махно не мог у него отобрать этого полка. Сформированная часть так и называлась по имени своего командира: полк Кляна, корпус Каретникова и т. д.

Если группы собирались с лошадьми, то полк назывался кавалерийским. Если удавалось раздобыть в бою большое количество пулеметов,—то пулеметным. В большинстве полки были кавалерийские. Артиллерия—несколько пушек—хотя и имелась, но ее прятали, потому что пользоваться ею не умели и не любили. Имелся еще отдел снабжения, которым заведывал брат Махно, Савелий, и санитарный отдел, где заправлял какой-то фельдшер лечивший деревенскими средствами, так как медикаментов не было.

В декабре 1919 года при первом же круп-

ном столкновении с частями Красной армии махновцы были разбиты в пух и прах и разбежались. Красные части, не задерживаясь в махновских районах, катились к югу. После

Карта действий махновских банд.

двух-трех стычек с ними махновская армия скрылась. Махновские части, распухшие к тому времени до 18 тысяч человек, исчезли как будто совершенно бесследно. Красному командованию представилось, что Махно окончательно разбит, но это было ошибкой.

Красная армия прокатилась по Украине волной и заперла белых в Крыму. Усталые, истомленные красные бойцы остановились. Тем временем махновцы вновь вынырнули в прежнем районе Гуляй-Поля и занялись взрыванием мостов, железнодорожных путей, разгромом станций, нападением на красноармейские обозы и тылы, уничтожением продовольственных и заградительных отрядов, разгромом советских учреждений в волостях и местечках и т. д.

Против них была направлена 42-я дивизия. Ей было приказано захватить Гуляй-Поле, ставку Махно, и разбить его «главные силы».

На Гуляй-Поле были сразу направлены две бригады этой дивизии¹. Но они имели в городе только незначительную перестрелку с выглядывавшими кое-где махновцами и почти без сопротивления взяли город.

Правда, им досталась большая добыча: восемь орудий, спрятанных по дворам, около 20 пудов золота в боченках, махновский лазарет.

Но ни самого Махно, ни его крупных частей дивизия не видала. Махно исчез. Через несколько дней однако обнаружилось, что он бродит верстах в 25 от Гуляй-Поля и подбивает кулачество на выступление. 42-я дивизия отправилась в поиски за ним, а в

¹ По организации Красной армии во время гражданской войны дивизия имела три бригады, бригада — три полка.

Гуляй-Поле была поставлена бригада эстонской дивизии.

Пока 42-я дивизия пыталась разыскать крупные части Махно, махновские разведчики и бойцы поодиночке просачивались в Гуляй-Поле, ближайšie хутора и укрытые места, высматривали расположение рот и батальонов, складов и охранения. Накопив в городе большую часть отряда, махновцы в первых числах февраля 1920 года произвели нападение на эстонскую бригаду и захватили ее. Коммунисты, комсостав и часть красноармейцев были перебиты, а прочие ограблены, раздеты до-гола и отпущены на все четыре стороны. Правда кавалерийскому полку 42-й дивизии лихим налетом удалось вскоре после этого снова захватить столицу Махно и даже расстрелять брата, его, Савелия, но найти и окружить главные силы Махно опять-таки не удалось.

Через несколько дней снова обнаружилось, что Махно бродит со своими отрядами неподалеку и вылавливает отдельных бойцов и продработников, не делая попыток занять Гуляй-Поля. Потом до марта месяца о нем не было ни слуху, ни духу. Решено было, что Махно «разоружился». Гарнизоны в Гуляй-Поле и других бандитских местечках и селах были сняты и переброшены на Крымский фронт, где нужда в войсках была большая.

Едва только это было сделано, как большие отряды махновцев с разных сторон по-

вели наступление на Гуляй-Поле и заняли его. Красному командованию пришлось снова собирать части для окружения бандитских шайк и главных сил Махно.

В это время не изучив еще особенностей повстанческой борьбы, считали, что можно

5) В сиротах наступления Красной
со стороны Махно, в то время
когда мы не сможем быть
в с. Михайловке, и на сиротах
вечнойки, предлагается двигаться
на село Александровку.
В дою ее красными на шайке
ряды и разстреливая как
император, так и рядовых, дабы
мы могли быть для них
сильно страшными.

Наперед С.Р.А.У. (Махновцев)

Отрывок из приказа махновцам.

найти, окружить и уничтожить «главные силы» бандитско-повстанческой армии, как и всякой регулярной армии. На самом деле этого случиться не могло, потому что махновская армия, по опыту боев с Деникиным и первых столкновений с Красной армией, коренным образом переменяла свое устройство. Корпуса существовали в ней только по имени. Не было также и тыла.

Вся «повстанческая армия Украины» разбилась на части: главный отряд самого Махно, состоявший из отборных головорезов, «территориальные части». Территориальные части, это—просто махновцы-крестьяне, вооруженные чем попало, если винтовок не хватало. Они не уходили с Махно, а оставались в своих селах и деревнях, занимаясь «охранением» своего района.

«Ударную» часть составлял отряд самого Махно. Он состоял из нескольких кавалерийских и пулеметных полков. Пулеметный полк состоял в среднем из 50—80 пулеметов, которые возились на «тачанках», легких обывательских повозках запряженных в две-три лошади.

Но эти полки редко сходились вместе. Рассыпанные по разным местам огромного махновского района, они действовали самостоятельно, однако держали между собою теснейшую связь при помощи махновских агентов. Передвижения производили группами и в одиночку по разным дорогам, иногда под видом крестьян, идущих или едущих на базар. Строя не придерживались и в бой вступали лавой. Такое устройство армии делало ее весьма подвижной, незаметной и неуловимой. Поэтому борьба с Махно требовала каких-то новых способов применительно к способам самих повстанцев. Эти способы были найдены и стали проводиться в жизнь всем аппаратом Красной армии, военным и полити-

ческим при участии всех органов партии и Советской власти.

Главная опора махновщины и всего повстанчества и бандитизма—кулак, ненавидевший Советскую власть. Кулак, составлявший значительную, а главное организованную часть деревни, благодаря своей сплоченности, захватил в деревне всю власть и не давал пикнуть бедноте. Беднота, хотя и сочувствовала Советской власти, но не имела сил и средств противиться кулаку, потому что кулака поддерживала вся сила бандитизма.

Между этими двумя деревенскими группами колебался середняк. Средняк не мог быть враждебным Советской власти. Но на него действовала кулацко-бандитская агитация. Он видел силу повстанчества и кулачества и потому нередко поддерживал их. Таким образом, чтобы одолеть бандитизм, следовало прежде всего защитить бедноту от кулака, укрепить ее в хозяйственном отношении, оторвать от кулака середняка, а затем уже силами самой деревни при помощи Красной армии вести борьбу с кулачеством, а значит и с повстанчеством и бандитизмом.

При таких задачах и началась под руководством партии новая борьба, борьба за классовое расслоение деревни, за освобождение деревни от влияния кулака. Весь политический аппарат Красной армии, усиленный лучшими гражданскими работниками, был пущен в ход. Началась упорная работа. Был прове-

ден ряд кампаний: «неделя крестьянина», «неделя бедноты», «неделя нажима на кулака». Бедняк, батрак и середняк во время этих кампаний не только слушали о советской власти, но и видели ее дела, ее заботы о крестьянине. Поподавшие в деревню семена, мануфактура, сельскохозяйственные орудия доставались бедняку или середняку. Советская власть всячески помогала бедняцким хозяйствам выбиться из кулацкой кабалы.

Красноармейские части были размещены по деревням, но не в кулацких районах, а наоборот в бедняцких. Под прикрытием их беднота ободрилась, поняла свою силу, а главное убедилась, что Советская власть защищает в деревне в первую очередь интересы бедноты.

Едва только это было понято, как в самом центре кулацкого царства начали образовываться как бы советские острова, где бандитизм не только не встречал поддержки, а наоборот стал наткаться на сопротивление. Таких островов становилось все больше и больше. Дошло до того, что «главные силы» Махно, прежде чем направиться в какой-нибудь район, куда раньше шли безбоязно, как в свою вотчину, должны были теперь посылать сначала разведчиков, чтобы узнать, как их примут.

Вместе с тем шел непрерывный нажим на Махно кавалерийскими частями Красной армии. Удирая от них, Махно должен был ко-

лесить по всей Украине, старательно обходя враждебные ему районы.

Положение бандитского батьки заколебалось, так как само кулачество, видя усиление у себя под боком бедноты, опасалось оказывать своему вождю открытую поддержку. Силы Махно таяли. Загнанный, как заяц, он принужден был в конце концов искать соглашения с Советской властью и предложил красному командованию свои услуги по борьбе с Врангелем.

Осенью 1920 года т. Фрунзе, командовавший южным фронтом, собрал все наличные силы фронта в кулак, чтобы ударить на Врангеля. Важно было, чтобы тыл фронта в это время находился в порядке. Махно хоть и затравленный и ослабленный, мог еще причинить много неприятностей. Поэтому его предложение о сотрудничестве было принято. Худой мир казался все-таки лучше доброй ссоры.

Силы Махно в это время доходили до 10 000 человек при 200 пулеметах. Они были направлены против белогвардейцев в знакомом махновцам до последнего куста районе Пологи—Орехов для прорыва здесь белого фронта и выхода в тыл Врангелю.

Первый наскок не удался. Махновцы были встречены сильным огнем белых и разбежались. На второй раз они однако прорвали фронт и вышли на Александровск. Но дальше вместе с Красной армией отправилась в

Крым только половина их, под командой Каретникова. Другая часть вместе с самим Махно юсталась в Гуляй-Поле будто бы для укомплектования и здесь стала быстро увеличиваться численно.

Махно объявил всем, что он теперь в союзе с Советской властью, а потому все должны идти или к нему или в Красную армию. Немало шло и к нему людей, которых прельщали разврат, пьянство и сытая и довольная жизнь. К Махно со всех сторон снова начали собираться анархисты и вновь началась травля Советской власти. Дело дошло до того, что красноармейцам нельзя стало показываться в расположение махновских частей: их били и срывали с фуражек звезды. Обозы начали вновь подвергаться нападению, участились грабежи, словом восстановилась прежняя привольная, бандитская жизнь, с той разницей, что теперь Махно чувствовал себя еще более свободно, чем раньше. Его агенты открыто выступали на всех митингах и не давали говорить советским ораторам.

Вместе с тем Махно всячески уклонялся от исполнения распоряжений красного командования о переходе на Польский фронт, но непрерывно требовал себе патронов, снарядов, денег, медикаментов. Стало ясно, что такой «союзник» не только бесполезен, но прямо вреден, что он подготавливает какое-то новое выступление против Советской власти, пользуясь своей безнаказанностью. От такого

союзника следовало избавиться как можно скорей.

Борьба началась в Крыму, где после уничтожения белогвардейщины махновская группа Каретникова попробовала производить такие же бесчинства, как и сам Махно в своем районе. Но в Крыму, где махновцы находились в густом окружении красноармейских частей, они чувствовали себя не так привольно, как в Гуляй-Поле. Поэтому, «согласовав вопрос» с Махно, они поспешили выбраться из Крыма. Двинулись, без всякого разрешения красного командования, но при выходе на простор Таврии столкнулись с 3-м конным корпусом, 52-й и 1-й стрелковыми дивизиями и были окружены ими. Завязался упорный бой, во время которого большая часть группы Каретникова была уничтожена.

Услыхав про это, тыловая группа махновцев начала немедленно действовать. Первое выступление ее было удачно, но во-время подтянутыми красноармейскими частями банды Махно были разбиты и по обыкновению рассыпались на мелкие отрядики. Но обстановка была уже не та, что раньше. Белогвардейщина, на которую при случае мог опираться Махно, была разбита и выметена начисто из советских пределов, а деревня стала подлинно советской. Она не только не поддержала кулацкого агента Махно, но и выступила против его шаек с оружием в руках.

Не встречая нигде поддержки, Махно с бандой, таявшей с каждым днем, заметался по всей Украине и был наконец прижат к Днестру. Не видя иного спасения, он переправился в Румынию. Здесь бывший анархист отправился на поклон к румынскому королю.

Григорьевщина.

С махновщиной тесно связана григорьевщина,—мятеж, поднятый против Советской власти атаманом Григорьевым.

Оба бандитских атамана долгое время были друзьями. Выступления Махно и Григорьева даже и по времени почти совпали друг с другом и весьма ярко выразили стремления и надежды украинского кулачества. Небольшая разница была лишь в том, что кулацкий агент Махно—прикрывался анархическими лозунгами, а Григорьев—кулацко-эсеровскими. Григорьев более четко выражал стремление украинской буржуазии и интеллигенции к полному отделению от Советской федерации.

Была разница и в способах борьбы, потому что Григорьев еще придерживался действий крупными частями, в то время как Махно действовал почти всегда мелкими партизанскими отрядами. Но это главным образом потому, что с мятежом Григорьева было покончено очень быстро, раньше, чем он успел по примеру Махно переменить свою тактику в борьбе с Красной армией.

Григорьев, бывший царский офицер, верой и правдой служил Украинской Раде, потом Директории, потом Петлюре. Когда же и Петлюра был разбит, то Григорьев решил действовать на свой страх и риск. Он объявил себя атаманом повстанческих войск Таврии, Херсонщины и Одессщины, а своей задачей— борьбу с иностранными захватчиками, хозяйничавшими в то время на юге России.

Войска Антанты, занимавшие в то время Одессщину и Херсонщину, грабили эти области без стеснения, причем главная тяжесть их хозяйничанья ложилась на крестьянство. Крестьянство стоном-стонало от непосильных поборов и реквизиций, и немудрено поэтому, что намерение Григорьева бороться с иностранными грабителями в деревне принято было с большой радостью. Войска Григорьева, до сих пор состоявшие из остатков петлюровских банд, дезертиров всех армий и военнопленных мировой войны, с таким же пестрым командным составом стали быстро пополняться крестьянством и даже рабочими. Повстанческая армия сразу же выросла до 15 тысяч, но померяться этими недисциплинированными и плохо вооруженными силами с войсками Антанты Григорьев все-таки не решался. Поэтому он стал искать соглашения с Красной армией, которая в то время вступала на Украину.

Всякий штык у Красной армии в то время был на счету. Положение было таково, что

Советская власть не могла брезговать даже временными попутчиками в борьбе. Предложение Григорьева было принято. Атаман получил вооружение, артиллерию, бронепоезда, боеприпасы и двинулся против французов и греков. В это время его части действовали неплохо. Поддержанные рабочими Одессы и Николаева, они заняли эти города и принудили войска Антанты спешно покинуть богатые черноморские области.

В Одессе партизаны Григорьева захватили богатую добычу, оставленную французами и греками, и основательно пограбили и самый город. Поезда с награбленным направлялись в Александрию, родину Григорьева. Туда же он начал стягивать и свои войска, которые должны были переформироваться в 6-ю Советскую стрелковую дивизию.

Очистив южные губернии от иностранных грабителей, советская власть стала спланивать бедноту, организовывала «комнезаможки» (комитеты бедноты), ввела продразверстку. Все это и в особенности продразверстка било по верхушечной, кулацкой части деревни.

Интересы кулачества прекрасно учитывал Григорьев, который конечно не сделался советским человеком только от того, что по воле стал красным командиром. Он замыслил измену и всячески уклонялся от выполнения приказов красного командования о переброске его дивизии на Румынский фронт, а

потом в Донбасс против Деникина. Он выжидал удобного времени для выступления, а пока старался привлечь на свою сторону крестьянство тем, что раздавал ему награбленную в Одессе мануфактуру, обувь и прочее добро, препятствовал работе агентов продорганов и арестовывал под разными предлогами советских работников, попадавших в район расположения его частей. Его влияние среди кулачества, благодаря таким действиям, выросло весьма сильно.

В начале мая 1919 года на Дону вспыхнуло восстание кулацкого казачества. Когда это восстание разгорелось с большой силой, из Кубани на Донбасс повел наступление Деникин. Все внимание красного командования понятно направилось туда. Такой момент Григорьев и нашел самым подходящим для своего мятежного выступления. Он выпустил 9 мая «Универсал» (манифест) к трудящимся Украины и одновременно повел наступление на Екатеринослав. Путь мятежного атамана сопровождался еврейскими погромами и избиением советских работников, разгромом советских учреждений.

В своем манифесте Григорьев призывал всех трудящихся Украины выступить дружно с оружием в руках против «коммуны, продразверстки, против ЧК и комиссаров с московской обжорки и земли, на которой распяли Христа». Главный упор был взят именно на коммуну и продразверстку, а это весь-

ма ясно указывало, что всю свою ставку атаман ставит именно на кулачество, потому что по кулацкой части деревни ударяла и продразверстка, и организация бедноты в сельскохозяйственные коммун. Кулачество и бандитскую часть своих войск Григорьев привлекал и еврейскими погромами и разрешением грабить советские склады и кооперативы..

Но политика Советской власти в деревне в это время уже давала свои плоды. Беднота уже безоговорочно шла за Советской властью. Средняк, хотя и колебался, но уже чувствовал, что Советская власть ему ближе, чем разные Григорьевы. Поднять его против Советской власти атаману не удалось, поэтому мятеж Григорьева не пустил глубоких корней, не успел разлиться по всей Украине, как мечтал творец «Универсала», а остался местным. Рабочие Херсона, Николаева, Одессы, руководимые своими партийными и профессиональными организациями, первые поднялись против Григорьева. Они усилили собой слабые красноармейские части в тех местах. А вскоре и красное командование нашло достаточно сил для подавления мятежа.

Против Григорьева сразу были направлены три армейских группы: т. Худякова из Одессы, т. Левандовского от Киева и т. Ворошилова со стороны Харькова. Группе т. Ворошилова дана была задача не допускать со-

единения Григорьева с Махно, что и было выполнено. Григорьев стал получать удар за ударом, и его части, которым он обещал дешую победу над «красной нечистью», стали разлагаться и переходить на сторону Красной армии.

Со взятием Елизаветграда, где 23 мая были разбиты главные силы Григорьева, мятеж можно было считать оконченным. Григорьев с остатками войск бежал на юг, пытаясь дожидаться там прихода Деникина.

В то же время он усиленно работал для того, чтобы объединить свои действия с действиями Махно. Для этой цели был даже созван в с. Сакове «объединительный» съезд партизан. Но приятели не сговорились. Во время пирушки по поводу открытия этого съезда Махно под пьяную руку застрелил Григорьева.

Мятеж Григорьева нанес удар в спину Красной армии в Донбассе и на Дону, отвлек внимание Советской власти от Бессарабии, стонавшей под игом румынских захватчиков. Но вместе с тем он имел своим прямым следствием то, что партией был взят твердый курс на изжитие остатков партизанщины в Красной армии и на установление в ней крепкого единого командования. Этот курс и привел к тому, что Красная армия, руководимая партией пролетарской диктатуры, стала единым военным организмом, крепкой опорой Советской власти.

После завоевания Туркестана царскими войсками в шестидесятых годах прошлого столетия огромные области Средней Азии были превращены в «Среднеазиатские владения» российского царя. Вслед за этим завоеванием туда сразу же хлынула густая волна колонизаторов: царских чиновников, торговцев, авантюристов, спекулянтов и любителей легкой наживы. Весь край они превратили в источник наживы. Взятничество, обман, беспощадное обдирание населения, захват русскими переселенцами лучших земель, насилия над туземным населением—все это на первых же порах привело к ряду восстаний. Эти восстания не прекращались собственно говоря все время нахождения Туркестана под царской властью.

Последние восстания в 1898 и 1916 годах были подавлены с исключительной жестокостью, залиты кровью, но повстанчество все же уничтожено не было. Повстанцы стали держаться только ближе к границам соседнего Афганистана и оттуда время от времени производили набеги на города и местечки. При неудаче они прятались за границу. Мало-по-малу такие набеги превратились в обыкновенные разбои,—в басмачество (басмачи—налетчики).

Октябрьская революция разбудила бедноту, которая в Среднеазиатских областях

бывшей Российской империи больше, чем где-либо, находилась в кабале у кулаков и помещиков (баев). Но благодаря страшной темноте местного крестьянства (декхан) движение бедноты сразу же попало под влияние местной буржуазии и духовенства (муллы). Благодаря этому движение, направленное собственно говоря против богачей, против местной буржуазии и баев, свернуло с правильного пути. Баи и муллы отвели народное возмущение от себя и направили его против всех вообще русских. Образовалась «мусульманская народная армия» с Мадаминбеком во главе, поставившая себе задачей освободить Среднюю Азию «от русского владычества». Она втянула в свои ряды и многочисленные шайки басмачей, в силу чего басмачество приняло резко выраженный политический и антисоветский характер. Начались поголовные избиения русских. Раньше всего от этого пострадали русские поселки и мелкие, слабо защищенные города.

Русское крестьянство, в большинстве своем зажиточное, кулацкое, стало «защищаться». Оно образовало «крестьянскую» армию и мало-по-малу перешло от обороны к наступлению против мусульман. Началась жестокая национальная резня, подогреваемая с обеих сторон духовенством, баями, царскими и эмирскими чиновниками, буржуазией. Но эта борьба продолжалась недолго, потому что, когда в городах начала укрепляться Со-

ветская власть, зажиточно-кулацкая часть крестьянской и мусульманской армии почувствовали в ней общего врага и объединились. Началось общее контрреволюционное восстание против Советской власти. Во время его с повстанцами связался 2-й колчаковский корпус. Образовался единый белогвардейский фронт от Урала до Каспийского моря.

К концу 1919 года Красная армия на юге загнала белых в Крым. После этого она получила возможность направить больше сил на восток в Туркестан и начала теснить там белогвардейщину. Крестьянская часть белой армии стала отставать от борьбы и расплываться. Декханская беднота, получив поддержку Советской власти, сама стала активно помогать ей. Мусульманская националистическая буржуазия, потеряв опору среди населения, начала искать ее на стороне и вошла в сношения с Афганистаном, где проживал свергнутый революцией эмир (властитель) Бухарский, не терявший надежды вернуть себе власть и владения. Из Афганистана потекли басмачам деньги, оружие, боеприпасы, добровольцы.

В конце января 1920 г. окрепшие части Красной армии нанесли басмачам около Маш-Тюда и Аравана сильнейшее поражение. Басмачи начали сдаваться целыми шайками и сам Мадамин-бек перешел на нашу сторону. Однако басмачество от этого не погибло, во-

первых, потому, что за годы войны часть декханства, затянутого в басмачество, отвыкло от мирного труда и жило грабежом, и во-вторых, потому что басмачи совершенно не были связаны с землей и деревней, как например украинское и русское кулачество.

Большинство басмачей, как кочевники, привыкли переходить с места на место по огромным ненаселенным районам среднеазиатских областей. Под нажимом Красной армии они обычно перебирались в дальние, дикие места, откуда Красная армия, имевшая мало конницы и не знавшая района, достать их не могла. По временам они собирались в крупные шайки и делали налеты на города и кишлаки (поселки), вступая в бои с мелкими частями Красной армии. Завязалась длительная борьба.

Борьба эта была необыкновенно тяжелой для Красной армии. Оторванные, отделенные огромными пространствами от европейской части СССР, от крупных городов, от железных дорог, красноармейские отряды казались затерянными в этом краю с его безводными пустынями, песками и дикими горами. Много дней некоторые отряды оставались без пищи, даже без воды, без отдыха, между тем как враг неуловимый, подвижный был повсюду.

К этим трудностям боевой жизни присоединялись болезни—малярия, тиф, уносившие не меньше жертв, чем басмаческие пу-

ли. В этих трудностях и непрерывных боях и закалилась Красная армия, приобрела огромный опыт и в ноябре 1921 года нанесла басмачам такое поражение, какого они до сих не знали. Остатки их под предводительством Куршир-мата спаслись в Восточной Бухаре. В очищенных от басмачей местах началась огромная политическая работа среди декхан.

Работа была нелегка. Местное крестьянство в большинстве—бедняцкое. Вдобавок его беспощадно обдирали басмачи, которые обложили данью в свою пользу целые области. Классовые интересы бедноты защищала только Советская власть, а отнюдь не басмач. Но беспросветная темнота декхан, делавшая их легкой добычей мулл, недоверие ко всему русскому, копившееся десятки лет, мешали работе. Слабые вначале успехи Красной армии в борьбе с басмачеством внушали декханам веру в непобедимость разбойников и неуверенность в силах Красной армии, защищавшей крестьянство. Кроме того сильно чувствовался недостаток работников, знающих местный язык и местные условия.

Партийным, советским и военным работникам здесь, на месте, пришлось проходить новую школу. Лучшим агитатором советской власти явился простой рядовой красноармеец. Красноармеец, уроженец Костромской или Вятской губернии, не могущий часто перекинуться двумя-тремя словами со своим со-

беседником-декханином, явился первым другом местного бедняка. Явившись в какой-нибудь убогий кишлак со своей ротой и видя кругом беспросветную нужду, этот красноармеец делился с декханином своим скудным пайком, табаком, куском сахара, щепоткой чаю. В одном кишлаке, где красноармейской части пришлось прожить около трех недель, красноармейцы сами восстановили разрушенные басмачами арыки, то-есть искусственные каналы, которыми в Туркестане пользуются для орошения полей и без которых никакое земледелие там невозможно, и еще вдобавок улучшили их. Этим была не только устранена опасность голодной смерти для нескольких кишлаков, но вся местность около них превращена в плодородную. В другом кишлаке красноармейцы, устроив субботник, в один день распахали целое поле. В третьем наладили при помощи сапер дорогу через перевал и т. д.

Все эти дела так не похожи были на дела басмачей, которые только грабили и жгли, что декхане только диву давались,—те ли это урусы (русские), которые при царе старались последнюю рубашку стянуть с бедняка.

Благодаря такой работе и таким отношениям к населению, каждая стоянка в кишлаке обычно кончалась тем, что командиров осаждали толпы взрослых мужчин и подростков, которые обязательно хотели быть красноармейцами и сейчас же готовы были в

Красная конница в Кишлаке.

поход вместе с частью. Из таких добровольцев и образовалось впоследствии ядро тех национальных частей, которые входят теперь равноправными членами в дружную, крепко спаянную красноармейскую семью.

Национальное размежевание, работа партии в деревне и вся вообще национальная советская политика, составляющая полную противоположность политике царской власти в национальном вопросе, сделали то, что новая попытка басмачества нанести в 1922 году удар Советской власти рассыпалась в пух и прах.

В начале 1922 года в Восточной Бухаре, куда бежали недобитые в 1921 году басмаческие шайки, появился Энвер-паша, генерал и политический деятель дореволюционной Турции.

Энвер-паша, долго притворявшийся другом Советской России, мечтал объединить Бухару и Туркестан с Афганистаном и сделаться калифом, то-есть духовным и светским главою всех мусульман. Для выполнения этого он и решил воспользоваться отрядами басмачей, прятавшихся в горах Восточной Бухары и в приграничных с Афганистаном местностях. Энвер-пашу поддерживали англичане, которые боялись близости Советской России к Индии, уже начинавшей кипеть революционным котлом, и афганский эмир, который не прочь был округлить за счет Бухары свои собственные владения. От

них Энвер-паша получил деньги, оружие и добровольцев из бухарских эмигрантов, проживавших в Афганистане.

Агенты Энвер-паши всюду повторяли, что русские нисколько не изменились от того, что стали большевиками, что они «надругаются над исламом», хотят задавить все нацио-

Узбеки-добровольцы против басмачей.

нальное, что борьба с ними—святое дело и т. д. Это же повторяли во всех мечетях мульты, на базарах—купцы, подбивая население на восстание.

Восстание действительно началось. Но политика партии, сумевшей легко устранить причины национальной вражды, так долго и старательно разжигаемой царским правительством, политика партии в деревне, укре-

пившая бедняцкое хозяйство и избавившая бедняка от кабалы кулака и бая, уже давала в кишлаке хорошие плоды. На пламенные призывы Энвера и его агентов к восстанию откликнулись только остатки буржуазии в Бухаре, муллы и баи. Местное декханство, полностью ставшее на сторону Советской власти, пальцем не шевельнуло, чтобы помочь Энверу. Поэтому Красная армия с помощью сочувствующей ей бедноты нанесла басмачам новый, еще более сокрушительный удар 15 июня 1922 года под Байсуном. Через два дня после этого была занята и ставка Энвера в Дюшамбе, а сам Энвер убит в бою. Басмачество после этого быстро пошло на убыль и только в мае 1929 года в связи с попытками западных империалистов втянуть Советскую республику в войну несколько басмаческих шаек из Афганистана попытались было перейти Советскую границу.

Но как и в 1922 году, так и теперь эта попытка поднять восстание никакой поддержки населения не встретила. Отряды басмачей легко были разбиты и остатки их загнаны на Афганскую территорию.

На фронте классовой борьбы теперь.

Гражданская война окончилась. Вместе с нею быстро исчезли и внутренние фронты. Советская страна вместе со своей Красной

армией перешла к мирному строительству, к мирной учебе. Однако опасность, грозившая нам от классовых врагов пролетарской революции, не исчезла, не уменьшилась, а наоборот возросла.

Мы живем и строим социализм в империалистическом окружении. Буржуазия капиталистических стран еще не потеряла надежды удушить первое в мире пролетарское государство. Она деятельно готовится к новой войне и пытается уже теперь втянуть нас в эту войну. Налет басмачей на Советскую территорию в 1929 году и белокитайское нападение на КВЖД—достаточно убедительно доказывают это. Китайские захватчики вместе с русскими белогвардейцами выступали, как застрельщики мирового империализма. При их помощи мировой империализм собирался втянуть нас в войну, в которую конечно под видом защиты китайского народа от «красного империализма» вмешались бы и главнейшие империалистические государства.

Попытка эта сорвалась, благодаря твердому и неизменному стремлению СССР к миру и решительным действиям нашей Особой дальневосточной армии. Китайская военщина получила хороший урок и принуждена была отказаться от вооруженной борьбы, но подрывная работа международного империализма против нас на этом не кончилась. Против государства пролетарской диктатуры империалисты неустанно ведут бешеную кле-

ветническую кампанию, подготавливая при ее помощи новое нападение на СССР. Они затрудняют доступ на западноевропейские и американские рынки советским товарам. Они организуют заговоры и покушения против советских представителей за границей. Они же организуют и снабжают средствами контрреволюционное вредительство в нашем народном хозяйстве. Еще недавно, благодаря самоотверженной работе ОГПУ, раскрыта была большая организация, целая партия (Промпартия) агентов иностранных империалистов. Она ставила себе задачу подорвать при помощи вредительства наше народное хозяйство, а значит и оборону и подготовить путь армиям интервентов. Суд, происходивший над Центральным комитетом этой партии в декабре 1930 года, а также суд над меньшевиками в 1931 г. показал пролетариату всего мира, при помощи каких сил и средств ведут империалисты подготовку к войне против нас и на какие силы внутри страны рассчитывают они опереться в случае войны с нами.

Среди этих враждебных нам сил важнейшее место занимает кулак, до сих пор активно борющийся за восстановление капитализма в нашей стране.

На протяжении всей гражданской войны кулак боролся с Советской властью с оружием в руках, плечом к плечу с белыми генералами. Теперь, когда белых армий в на-

шей стране нет, он видоизменил средства борьбы. Кулак старается проникнуть в Красную армию, чтобы разлагать ее. Он пытается всеми средствами, какие доступны ему, пролезть в органы Советской власти, чтобы затем бороться против политики партии, против социалистического переустройства сельского хозяйства. Там, где его быстро разоблачают, он действует через подкулачников.

Кулак портит сельскохозяйственные машины совхозов и колхозов, ведет злостную агитацию против Советской власти и против колхозного строительства, не останавливается перед поджогами колхозов, перед убийствами активнейших работников села и деревни. Он мешает дальнейшему продвижению деревни по пути сплошной коллективизации, но это еще не все. Кулацкая агентура пытается проникнуть даже в коммунистическую партию, чтобы поколебать ее стройные, спянные ряды. Правые уклонисты призывавшие партию к прекращению борьбы против кулака на том основании, что кулак мало-помалу «якобы сам вращет в социализм», являются прямой агентурой кулака. Линия левых уклонистов сходится в конечном счете с правыми. Немудрено поэтому, что они вступают в союз и образуют право-левый блок, работающий на пользу капиталистических элементов в стране и в первую очередь на кулака. Но ленинская коммунистическая партия, выражая волю рабочего класса и руководя мил-

лионными массами колхозников, которые являются теперь основной и главной опорой советской власти в деревне,—партия проводит решительное наступление на капиталистические элементы по всему фронту. Она дает беспощадный отпор как правым, так и «левым» уклонистам. Громадные успехи сплошной коллективизации позволили теперь проводить задачу ликвидации кулака как класса на основе сплошной коллективизации.

Само собой разумеется, что эта ликвидация происходит при самом остервенелом сопротивлении кулака и под бешеный вой буржуазии империалистических стран и ее лакеев, социал-фашистов. Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства вырывает опору из-под ног империалистов, которую они желали бы иметь в самой стране пролетарской диктатуры. Ликвидация кулачества как класса, это—ликвидация последнего капиталистического класса в нашей стране, вступившей в период социализма.

Что же можно заключить из всего сказанного?

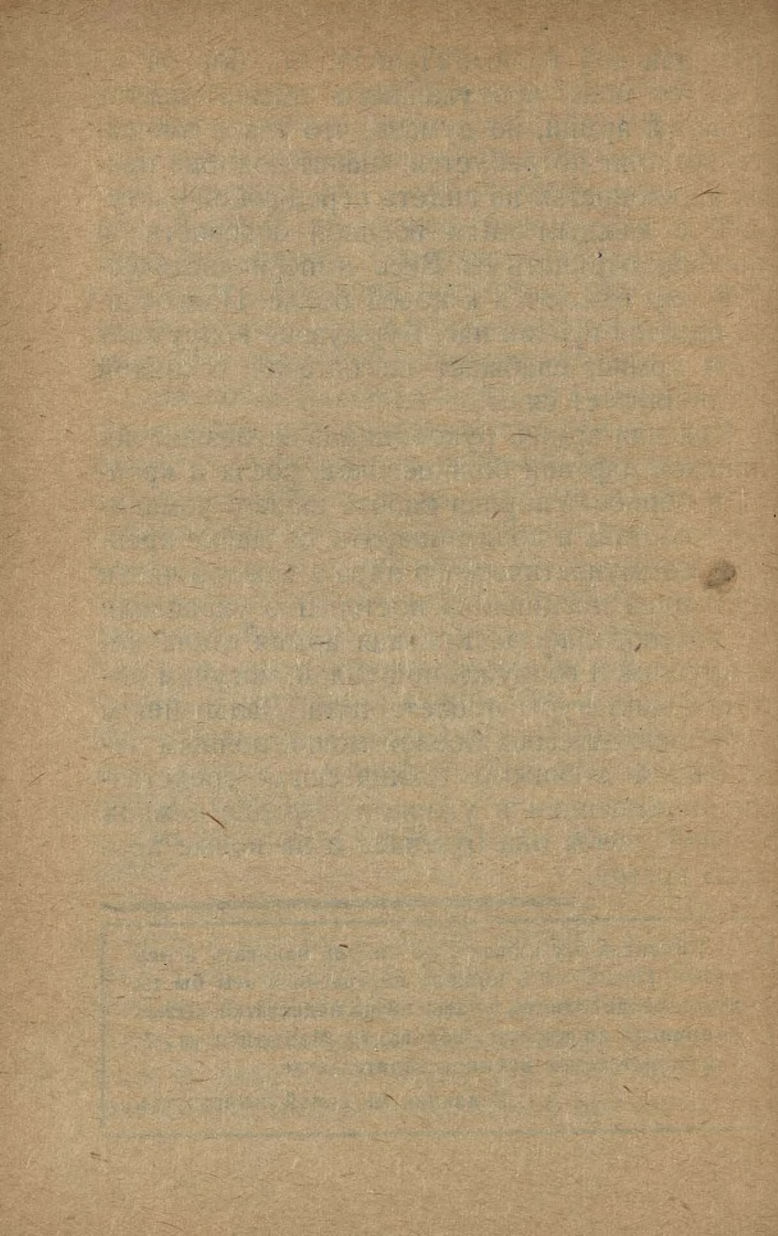
То, что борьба, которую ведет Советская власть и партия с самого момента Октябрьской революции, не кончилась и не может кончиться, пока не разбит и не добит капитализм во всем мире. Она только изменила свои формы, но не перестала быть от этого такой же острой и напряженной, как и в годы

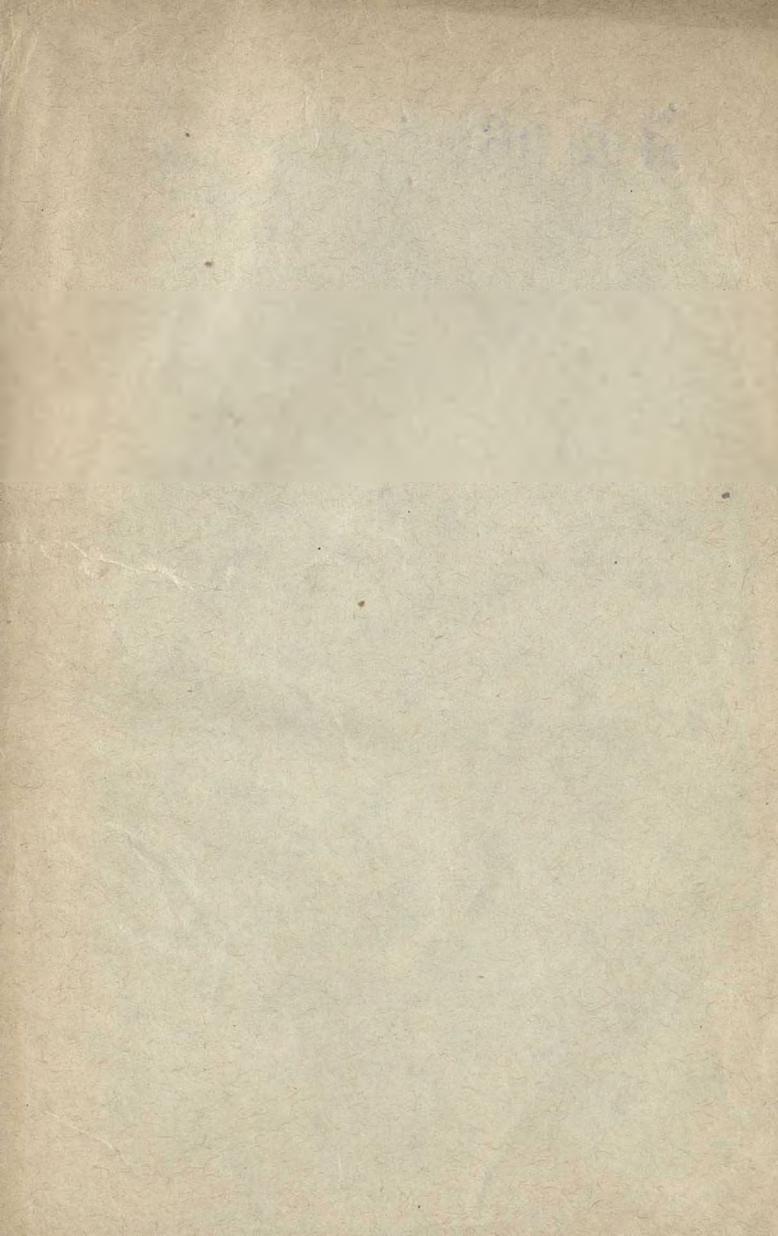
гражданской войны. Правда, эта борьба не требует пока вооруженного вмешательства Красной армии, но думать, что такое вмешательство не потребуется, значит подобно правым уклонистам не видеть перед собой растущей с каждым днем военной опасности и вообще отрицать ее. Весь империалистический мир готовится к новой бойне. Подготовка ведется против нас. Буржуазия вооружает свои армии, снабжает их богатой техникой и мобилизует силы.

Красная армия, руководимая железной ленинской партией большевиков, росла и крепла в борьбе. Упорная работа нашего командного состава и политаппарата, создание крепкого коммунистического ядра в каждой части и твердая дисциплина постепенно укрепляли ее боеспособность. Красная армия стала несокрушимой вооруженной силой, могучим оплотом диктатуры пролетариата. Дальнейшим укреплением своей боевой мощи, полным овладением военными техническими средствами, повышением в ударном порядке темпов боевой учебы она отвечает и на новые проiski врагов.

Прочитав эту книжку, не забудь написать о ней отзыв. Пиши, что в книжке интересно и чем бы ты хотел ее дополнить, указывая на недостатки. Отзыв направляй по адресу: Москва, 19, Манежная ул., 7. Государственное военное издательство.

Редакция массовой литературы.

306 06